

Сборник рассказов

Салат от шефа!

Надежда Терещенко

Сказки, детективы, юмор,
НЕправдивые истории из жизни

16+

Надежда Терещенко

Салат от шефа.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339989

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-06079-1

Аннотация

Перед вами не сборник рассказов, а кусочек моей личности. Эта личность немного капризна, но верит в сказку. Любит покопаться в себе и посмеяться над результатами раскопок. Вечерком может рассказать страшную историю и испугаться вместе с вами. У неё есть множество историй на все случаи жизни. Хотите познакомиться?

Содержание

Детектив под кофе	5
Жертвы	5
Кошмар	14
Бал для Мачехи	22
Неоконченный разговор	32
Осторожно, дети!	38
Жадность?	38
Мышка	44
Первое слово	48
Мама, Маша и машина.	53
Психологические сказки для взрослых	57
План "Б"	57
Миф о страхе	64
Рамки	67
Подарок Вселенной	71
Мохнатое солнце	78
Магический реализм	83
Проводник	83
Флешка	96
Серый, Вовчик и Русалка	104
Еще один Новый год!	117
Символ года	117
Ирония судьбы...	125

Как встретишь, так и проведёшь...	127
Корпоративчик	131
Дас ист фантастишь!	134
Незначительная ошибка	134
Побочный эффект	144
А тут немного фэнтэзи	152
Жемчужное ожерелье	152
Осколки бессмертия	168
Зелье	173

Надежда Терещенко

Салат от шефа.

Сборник рассказов

Детектив под кофе

Жертвы

Я смотрю на тело. В холле на дорогом холодном кафеле лежит мужчина. Такое знакомое лицо превратилось в красную маску: оплывшие черты, лопнувшие капилляры и неестественно синие губы. Я судорожно сглатываю комок. По загровку проходится морозцем.

В холл спускается блондинка из тех, которые в сорок пять жадно цепляются за свои двадцать. Терпеть её не могу, впрочем, она меня тоже. Только взаимовыгодные отношения, ничего больше. Я не осуждаю, по крайней мере, в своей нелюбви она честна.

Блондинка скользит равнодушным взглядом по мне, по телу и уже собирается идти по своим блондинистым делам, но понимание, наконец, достигает её маленький мозг. Она делает к нам шаг, потом ещё и останавливается, как будто

её выключили. Красивый рот её кривится, левый уголок губ плывет вниз. На миг, мне её даже жаль: увидеть труп своего мужа, от которого зависит вся её сытая жизнь, но потом она открывает рот. Крик, словно лезвие, бьёт по ушам. Я молюсь, чтобы у неё быстрее кончился воздух. Но лёгкие кабацкой певички, оказываются на удивление сильными.

Когда я уже был готов вlepить её пощечину, в холл слетаются гости. Один из них, высокий подтянутый мужчина лет тридцати пяти встряхивает её и прижимает к плечу.

– Всем стоять, к телу не подходить!

Ну, надо же, неужели Марго в этот раз завела себе кого-то умнее гантели?

Девушка, более молодая копия жены жертвы, картинно падает на колени и красиво плачет. Я вспоминаю, как вчера она также плакала над сломанным каблуком брендовых туфель. Смерть любовника не сильно её огорчает. Она ещё молода и на поиск нового кошелька уйдет немного времени. Впрочем, уже нашла. Серёга, как истинный благородный олень, припадает рядом с ней на колено и что-то шепчет в её маленькое ушко. Мне становится неловко, хочется сбежать.

– Ну и что будем делать, – поинтересовался я, чтобы перестать чувствовать себя здесь лишним. – У нас тут труп, между прочим.

Первой приходит в себя Марго. Все ещё цепляясь за любовника, его имя как-то выскочило у меня из головы, она деловито интересуется:

– А он точно, того?

– Точно. И убийца среди нас.

Этот мужик хорош: уверен, статен, спокоен, как частный детектив из низкобюджетного американского фильма.

– Давайте вспомним вчерашний день. Кто с кем был и что делал, – сдуру ляпаю я, и тут же понимаю, что выпитый ящик коньяка полностью уничтожил мою память.

– Я всю ночь провела с Лешенькой, – визжит Марго, явно пытаюсь реанимировать недавнюю истерику.

У нее плохо получается. Меня ей не обмануть.

Пока я думаю, как можно такого самца называть Лешенькой, самец опять берет слово:

– С восьми и до одиннадцати мы пили вместе. Потом когда, он – кивок в сторону тела, – начал скандал, мы...

– Да что ты! Кто первый начал орать? Кто меня выгонял? – вскидывается Ляля.

– Да он вообще охренел. – почти натурально возмущается Марго, все-таки она лучше играет, чем Ляля. – Своих шмар сюда водит, трахает все, что даёт, а теперь решил поселить в МОЙ дом свою шлюшку!

Ляля запальчиво дергается в руках у Сереги, но он только крепче её обнимает, к удовольствию, как я вижу, их обоих.

– Да, Марго, мне ваши высокие отношения всегда были непонятны, – замечает он, поглаживая крутой бок Ляли.

– А что тут такого? – Марго зло стреляет глазами в парочку. – Просто два взрослых человека устали друг от друга. А

развод невыгоден для нас обоих. Вот и решили: я ему не мешаю, он мне. Но чтобы прописать свою игрушку здесь?!

– А может засыпать так легче? – язвлю я.

– Продолжим, – пресекает скандал Алексей. – Мы с Марго ушли на улицу, проветриться. А через час поднялись в комнату и больше не спускались. А ты, Ляля?

– Я больше не могла оставаться в этом доме. Я предложила рыбусе поехать в клуб, но он отказался. Я обиделась и уехала сама. Вернулась в три часа, он ещё пил с Серёжей.

Я напрягаю память. Скандал. Марго пытается выставить Лялю за дверь, та упирается, цепляется за мебель. Мне весело, всегда хотел посмотреть драку красивых баб. Потом Алексею удастся оторвать Марго от лялиных волос и вывести её на улицу. Дверь хлопнула. Ляля на коленях. Рыдает. Мы её утешаем, но потом выясняется, что проблема в туфлях. Каблук сломан и ей придется переобуваться в «беспонтовое говно», которое завалилось у неё в машине. Я ещё достаточно трезв, чтобы по-рыцарски сбегать за сменкой на улицу.

– Мы пили где-то до полчетвертого, – продолжает мои мысли Серёга. – Но он какой-то быстро сдулся. Что нам обычно ящик коньяка?

Вдруг его лицо перекашивается, он грубо отпихивает от себя Лялю и шумно блюёт чем-то зелёным.

Я с трудом подавляю рвотный позыв.

– А чё за коньяк-то был? – хрипит Серёга, злобно глядя

на хозяйку дома. – Может тебе муженёк надоел, и ты решила его того?

– Это не я, – волнуется Марго и на всякий случай отступает от любовника на пару шагов. – Лешенька вчера целых два ящика французского привез, муж деньги дал.

Серёга медленно поднимается и интересуется:

– А где ты его брал?

– В магазине. В каком не помню.

– Слышь, ты меня сейчас не выводи. Хреново слишком, ещё зашибу...

– На рынке взял, у какого-то барыги!

– А почём?

– Двести пятьдесят за бутылку.

– Евро?

– Рублей!

В голову стрельнуло. Ни хера себе бизнесмен! Вот почему мне так плохо и провалы в памяти! Я не успеваю понять, как Серёга хватает этого хмыря, секунда и тот уже лежит на полу, потирая челюсть. Сергей довольно сплевывает на пол:

– Ах, ты ж гнида! Деньги взял за французский, а скормил нам барматуху. Блин, если бы не звонок жены, я бы продолжил пить и вот тут бы рядышком...

Закончить мысль он не успевает, его опять вывернуло. Ляля и я синхронно отскакиваем. Нам повезло, а вот телу не очень.

– Так не бухали бы! – встречает Марго, однако помочь

любовнику подняться не спешит. Видимо Лешенька из «текущего» уже перешёл в «бывшие». – Нажираетесь, как свиньи! Знаешь, как мне надоело таскать его на себе до машины, убирать его блевотину и менять штаны? Если бы кто-нибудь увидел, до какого состояния он напивается, давно поперли бы с должности!

Сергея отпускает и он, примирительно подняв руки, признается:

– Коньяк, конечно, хреновый, но не настолько чтобы вот так скрутить.

– А может обыскать его? – пищит Ляля.

Все смотрят на Серёгу, он мстительно тычет пальцем в Лешеньку:

– Давай ты, а то заблюю тут всё.

– А полиция? – опомнилась Марго.

– Слышь, давай сначала разберемся без полиции, – предлагает Серёга, с удовольствием наблюдая, как морщится Лешенька.

– Но я знаю, нельзя трогать тело...

– Заткнись, – рычит Серега. – Скажем, что пытались оказать помощь.

Содержимое карманов ложится рядом с трупом. Бумажник, жвачка, диктофон и мобильник, из-под чехла которого, выкатывается ультрамариновая таблетка.

– Это чьё? – указывая на таблетку, цедит Леша.

– Я думала расшевелить его в клубе, – голос Ляли уходит

в шепот.

– Ляля! Мужуку пятьдесят два! Какой, на хрен, клуб!

Я все ещё в шоке, взгляд приклеен к таблетке. Откуда-то издалека, доноситься ничего не понимающий голос Марго:

– А что это?

– Это, солнышко, – Лешенька не скупится на сарказм, вероятностность того, что хозяин дома скопытился не от его коньяка, придаёт ему сил, – какая-то синтетическая наркота!

– Ты убила его, идиотка, – с явным облегчением выдыхает Марго. – У него же год назад инфаркт был.

– Я не знала-а-а...

Лицо Ляли не красиво морщиться. Слезы, приправленные тушью, текут по щекам. Вот теперь даже я вижу, что они настоящие. Она бросается к трупу и целует его руки.

Серёга со всхлипом блюёт рядом.

– Вот теперь можно звонить в полицию, – предлагаю я, но меня как будто не слышат.

Лешенька открывает бумажник, проверяет карманы и достаёт из бокового огрызок листа.

– Какой-то номер, – говорит он, демонстрируя бумажку.

Наверно, только я успел заметить, как часть денег исчезла в его кармане.

Марго схватила листок. Она вертела его и так и эдак, разве что на зуб не попробовала.

– Да позвони уже, не мучайся, – предлагаю я.

Но она уже оглядывается в поиске телефона.

Сергей хватает мобилку почившего и тянет руку к бумажке:

– Дай я.

Набрав номер, он демонстративно ставит телефон на громкую связь. Пару секунд все с жадностью считают гудки.

– Здравствуйте, Вениамин Маркович. Все уже готово, осталось только подписать, – вещает приятный женский голос.

Серёга тупит, Марго нетерпеливо машет рукой мол, давай говори что-нибудь:

– Все, как договаривались? – креативит Серёга.

– Да. Завещание переписано в пользу фонда защиты прав сексуальных меньшинств.

Я с удовольствием наблюдаю, как вытягиваются лица присутствующих. Улыбаюсь. Ну надо же, как одновременно и с выдумкой можно послать всех нахлебников...

– Сможете сегодня подписать?

– Вряд ли, – Сергей даёт отбой.

Марго с Лялей одинаково взвизгивают:

– Вот сука!

Лешенька в попытке отвлечь их включает диктофон, незаметно вытаскивая оставшиеся деньги из бумажника.

Запись хрипит, но разобрать голоса возможно. Через минуту нам становится известна мошенническая схема вывода государственных средств через сеть оффшоров. От указанной суммы, даже у меня сводит челюсть.

Офигеть, Серёга встрял!

– Вот сука! – он слишком поражен, и с размаху бьёт труп ногой в лицо.

Голова дёргается, челюсть съезжает в бок. Меня передергивает.

– Хватит! – Лешенька с помощью женщин оттаскивает его от тела. – От чего он сдох: от бухла, наркоты или мотор не выдержал уже не важно. Главное для полиции, что мотив его грохнуть был у всех.

Его взгляд медленно скользит по нам, я согласно киваю. Иногда я сам испытывал такую ненависть, что руки тянулись к стволу.

– Что же делать? – всхлипывает Ляля. – Я в тюрьму не хочу-у-у.

– Вызываем полицию? – подаёт голос Марго.

– Какая полиция! – Серёга сплевывает на пол. – И так на-следии. Вроде и сам помер, а фиг докажешь. Так все, делай как я!

Он наклоняется.

Вокруг темнеет. По спине проходит сквозняком, я оборачиваюсь и вижу яркий свет. Последнее, что я чувствую, как мое тело поднимают за ногу и куда-то тащат.

Кошмар

– Сти-и-ив!

В ушах ещё звенит собственный крик.

–Тсс, это всего лишь сон, – родные руки крепко обнимают. Тело бьёт озноб, сухие рыдания сводят спазмом грудь. Она задыхается. – Сейчас, – на мгновение тепло уходит, слышится журчание воды в ванной. Он вкладывает в ладони стакан и помогает сделать первый глоток. Потом она уже справляется сама. Знакомый кисловатый вкус успокоительного и спасительное забытьё.

***

Внизу хлопнула дверь. Джеки открыла глаза. Косые лучи солнца с трудом пробивали тяжёлые шторы. На тумбочке вместе с телефоном и таблетками лежала записка. "На работе, буду поздно, люблю и безмерно скучаю". На часах уже почти десять, значит это Рокси. Её сиделка и сестра Стива. Им сейчас не по карману нанимать кого-то и не хочется, чтобы её видели в таком состоянии чужие люди. Да и она никого видеть не хочет. После нападения Джеки полгода не выходила на улицу. Что там, улица! Её мир сжался до размера комнаты.

– Дорогая, ты проснулась? – из коридора вкусно потянуло свежей выпечкой из почти забытой кофейни. Переживает. Наверно Стив ей рассказал о ночном приступе.

***

Дверь хлопнула. Джеки открыла глаза. Солнце остановилось прямо над их улицей, от открытого окна пахло раска-

лённым асфальтом. Часа два по полудню. Рокси пришла. Наверно ходила по делам, пока она спала. Джеки потянулась к телефону. Иконка соцсети мигнула тремя непрочитанными сообщениями. Джеки открыла ленту. Вот Стив на работе. Скучает по ней. Потом на обеде, очень хочет домой, увидеть её. И снова в офисе, любит и переживает. Пару месяцев назад Стив наконец-то получил новую должность. Пока она приносила лишь ненормированный рабочий день. Но Джеки знала: он справится, ведь он так талантлив! Чувство стыда шевельнулось в груди. Стив столько работает, а дома она со своими кошмарами, сидит у него на шее, пачками ест таблетки и боится выходить из дома. Слеза скатилась с ресниц на футболку. Господи, ну почему она не может жить нормально? Она всхлипнула. Испугавшись, что Рокси услышит, вцепилась зубами в подушку и поливала её слезами, пока в бессилии не уснула.

***

Джеки разбудил хлопок двери. Рокси пришла или ушла? Да, какая разница.

Солнце уже спряталось за крыши домов. Наверно часов шесть или семь. Джеки взяла телефон. С заставки ей счастливо улыбались двое влюблённых. Теперь она так не умела. Чёрт, хватит уже!

Джеки открыла поисковик. Сонник. Итак, сны – это отражение происходящего наяву... пропускаем. Тревожные воспоминания из прошлого? Не то. Ага. Значение: препятствие

в текущих делах. Бред. Джекии уже собралась уйти со страницы, но справа заметила иконку консультанта. Судя по всему? он был на сайте.

"Привет". "Чем я могу вам помочь?"

"А сможете?"

"Опишите свой сон".

Джеки подавила панику и желание сбежать. Это всего лишь слова. ...Люди, остановка, вечерний час пик. Сверкание фар на повороте. Визг тормозов и все превращается в месиво. Джеки одновременно и в машине, и там, среди стонущих, но ещё живых людей. А потом ощущение тяжести в руке и хищные отблески на металле. Семь чуть слышных хлопков и обжигающая боль в виске. Что это кошмар, вещий сон или предупреждение? А может первые шаги к психбольнице?

Точка.

Отправить.

Перед тем как нажать, палец на мгновение застыл. Трусиха!

Консультант печатает...

В коридоре послышались шаги. Джеки выключила телефон и закрыла глаза. – Дорогая, ты спишь? Джеки не ответила. Дверь тихонько приоткрылась.

– Спит, – подтвердила Рокси невидимому собеседнику. – Я немного подожду и поеду...

Джеки дождалась, когда шаги стихнут, и бросилась к те-

лефону.

"Вы очень впечатлительны и много читаете бульварной прессы". Ссылка.

Разочарование тяжестью разлилось внутри. Лихорадочная энергия сменилась бессилием. И что она хотела от онлайн сонника? Она на автомате ткнула ссылку. Страница сменилась на сайт какой-то газеты. А там много текста и фото. Нарезка прямо из её кошмара.

...чёрный внедорожник застрял на обломках остановки. И подпись: неизвестный на угнанной машине сбил шестерых человек.

... шесть чёрных пакетов рядом на тротуаре и россыпь гильз. После наезда преступник устроил беспорядочную стрельбу.

... импровизированная стена памяти. Злоумышленник скрылся, идёт следствие.

Господи, она всё это уже видела, только с другой стороны... из салона машины! Но в её сне было семь выстрелов, а пострадавших шестеро. Может это просто кошмар? Джекки набрала такси и продиктовала адрес, указанный в статье. Нужно самой всё это увидеть. Может удастся вспомнить что-то ещё?

В кармане плаща, накинутом прямо на пижаму, денег хватило на дорогу туда. Чтобы добраться домой, пришлось отдать таксисту свои золотые гвоздики.

Джеки впервые за долгое время сидела в гостиной на первом этаже и рассматривала висящие на стенах фотографии. Там были осколки её прошлой жизни. Нормальной. А потом она убила шестерых человек. Перед глазами застыли чужие лица. За полгода место аварии сильно изменилось: рядом построили новую остановку, фото людей потускнели, свечи потухли, но цветы всё ещё были свежими. Наверно, их кто-то регулярно приносит. Джеки стояла там и силилась вспомнить события того дня. Тщетно. Она не знала, как оказалась в той машине. Что было до этого: попойка с друзьями или в одиночестве? Она не знала, почему поехала в людей и как потом скрылась с места преступления. Этого память не сохранила, оберегая её от подробностей. И не только память. Стив тоже её берег как умел: спрятал ото всех, дал забыть, лечил от депрессии. Нет. От чувства вины. Может, она просто их не заметила? Или не справилась с управлением? Или просто стало плохо? Джеки не могла поверить, что она сделала это нарочно. Чёрт! Там же был ещё пистолет. Значит, всё же убила.

Нужно идти в полицию. Она это заслужила: пожизненное, так пожизненное. Смертная казнь? Даже лучше! Джеки кинулась к шкафу в поисках документов. В полиции ведь нужно предъявить документы, так? Прав нигде не было. Наверно в кабинете. Джеки побежала туда и замерла в дверях. Кабинет Стива: его стол, его вещи и его запах. Бедный, он столько сделал, чтобы её спасти. Джеки медленно подошла к столу и

открыла ящик. Сверху лежали какие-то бумаги, а под ними её права и ...пистолет. Тот самый? Боже, какая она эгоистка! Какая полиция? Какое признание? Стив и так пострадал из-за неё. Если узнают, что он скрыл преступление, его накажут. А у него талант, карьера, вся жизнь впереди. Нужно как-то по-другому. Но как?

Шесть фотографий на месте аварии.

Семь выстрелов из сна. Это выход.

Рука сама потянулась к оружию.

Хлопнула дверь. Хорошо, не придётся писать записку и всё объяснять. Стив заметил её не сразу. Растерянно улыбнулся, а потом увидел пистолет.

– Я. Вспомнила, – комната расплылась, Джеки сморгнула слёзы.

– Джеки, не надо... – в родных глазах мелькнул страх.

– Другого выхода нет. Ты же знаешь, – она улыбнулась, вернее попыталась, вышло не очень.

Стив рухнул на колени:

– Я по-другому не мог, – лицо его жалко сморщилось. – Меня ждала новая должность, ты же знаешь, родная. Я не мог оставить свидетелей...

Пол пошатнулся. Он что-то ещё говорил, но Джеки не слышала. В висках билась дикая боль. Ледяные пальцы скользнули по коже и наткнулись на длинный рубец. Джеки улыбнулась, она была права, выстрелов действительно было семь. Журналисты ошиблись, свидетель был. Вернее сви-

детельница. Она полгода спала, под действием успокоительных. Но теперь она проснулась...

Бал для Мачехи

– За мечтой нужно идти! Я так считаю...

Бармен кивнул, убрал пустой стакан, но наливать не спешил. Энергичным кивком я развеяла его сомнения:

– Повторить.

Он перегнулся ко мне через стойку:

– Я думаю вам достаточно. Может вас проводить?

Проводить? Как-нибудь в другой раз! Хотя, на мой взгляд, этот брюнет был слишком обычным, что ли. Меня, как истинную сороку, тянуло на блестящее.

– Достаточно? – рука изящно описала круг, меня качнуло вместе с высоким табуретом. – Не-ет!

Последние 26 лет у меня было достаточно всего: чужих ограничений, тошной работы и тупых сериалов. А мне не хватало красок и приключений. Видимо, поэтому и позволила себе влюбиться в картинку из телевизора.

На экране позади бармена мелькнула знакомая физиономия.

– Погромче, пожалуйста! – попросила я.

Индикатор звука пополз вверх. Я украдкой огляделась. Слава богу, зал в этот час ещё пустовал.

Корреспондент светской хроники захлёбывалась в экстазе.

–... на презентации новой концертной программы Капи-

тона Прокопьева, премьера которой пройдёт на круизном лайнере ВитаВенера, неизвестная напала на жену Прокопьева. Напоминаем, о тайном бракосочетании молодожёны сообщили перед презентацией.

Я смотрела на себя, застигнутой стоп-кадром в полёте, и с ужасом представляла, что же на всё это скажет мама.

– Достаточно, – поморщилась я.

Бармен посмотрел на меня с интересом.

– Если не секрет, за что это вы так?

Если бы я сама знала! Тем не менее я попыталась ответить:

– В 2005 – вышел альбом, помните, «Карамельное небо»? – Он зачем-то кивнул, хотя вред ли понял о чём я. Судя по его небрежному хвостику и туннелю в ухе, в юности наши вкусы кардинально не совпадали. – Мне было 15, я увидела его клип и влюбилась. Мечтала, что когда-нибудь встречу его. Понимаете, все события в моей жизни, так или иначе, были связаны с его песнями.

Я вспомнила свой первый поцелуй под «Малиновый вкус» и своё первое расставание под «Нам не по пути, детка» и чуть не разрыдалась.

Бармен протянул мне бокал с чем-то жёлтым. Пить больше не хотелось. Я слабо помотала головой.

– Апельсиновый сок, – пояснил он.

Я, благодарно кивнув, сделала глоток.

– А тут подруга сообщила, что он едет в круиз. И вот я

здесь. Правда, билет только до следующей остановки, зато в первом классе.

– Поставили всё на один бал, дорогая Золушка?– хмыкнул бармен. Я наградила его злым взглядом, он напрягся. Я выдохнула и хихикнула.

– Золушка, блин! Пришла такая на пресс-конференцию перед балом, а там прЫнц заявляет, что жениться на мачехе. – Я ткнул пальцем в телевизор, где повторно крутили сюжет. – Золушка в ахере. А фею крёстную зовут «ИпотекИнвестБанк», и расплачиваться за чудо мне придётся ещё три года.

– Рисковая вы девушка, – обаятельно улыбнулся бармен.

– Ну, мы же не знаем, что Золушка торчала фее, за своё «долго и счастливо», правда?

– Тоже верно.

Он взял пульт и обернулся к телевизору. Другой канал, сюжет тот же. Высокий тридцатилетний блондин с худым длинным лицом трепетно держал под локоток весьма приземлённого вида даму в ужасном сиреновом платье с тяжёлым металлическим ошейником на шее. Невеста улыбалась и мило краснела, что в её пятьдесят четыре выглядело слегка комично. Тут в кадр влетаю я. Шум, гам, вспышки камер.

Бармен покачал головой и выключил ящик.

– Как-то нехорошо получилось, – согласилась я в ответ на его молчаливое осуждение. – Мачеха-то не виновата, что принц козел...

Да, стакан кидать не стоило. Ладно водой плеснуть, но вдогонку тарой припечатывать было лишним.

– Надо извиниться, – решила я, спускаясь с табурета.

– Э, девушка, может вам лучше отдохнуть, а уже завтра...

– Завтра для меня чудо закончится, первая остановка лайнера, – напомнила я и гордо направилась к вип-выходу.

Босые пятки приятно холодили плитки пола. Меня штормило, но это и не удивительно: я же на корабле. Говорят, качка на таких огромных лайнерах не чувствуется. Чушь! И не надо мне сейчас вспоминать про бутылку вина в одно дуло...

Я не знаю, как мне удалось пройти не замеченной в вип-зону, после того шума, что я здесь устроила. Но уже через пять минут я стояла в гостиной четырёхкомнатной каюты, которую занимал принц с мачехой. Проскользнуть внутрь получилось благодаря прислуге. Горничная выкатывала неудобную тележку, а я всего лишь вежливо придержала ей дверь.

Гостиная была оформлена в стиле мадам Помпадур. Позолоченные завитушки на кривоногих столиках, пузатые кресла и тяжёлые бархатные шторы. Вся моя наглость мигом испарилась, если бы не совесть давно сидела у себя в каюте и рыдала в подушку.

Тишина напрягала. Вот и что делать, не кричать же «Хозяйка-а-а»?

Я знала, мысли материальны, но не представляла что настолько. Индийские йоги вместе с буддийскими ламами по-

зеленели бы от зависти, от такой скорости приёма-передачи мыслей на расстоянии.

Одна из дверей отъехала вбок и в проёме возникла она. Яркий халатик в китайском стиле странно смотрелся в паре с тяжёлым колье. Пока я бухала, набираясь смелости, чтобы извиниться, она спешно устраняла следы моей истерики.

– Опять ты? – устало поинтересовалась она.

Не знаю, чтобы сказала я, найдя в своей гостиной сумасшедшую напавшую на меня, но не это.

– Я пришла извиниться, – собственный голос резанул слух.

Она смерила меня оценивающим взглядом, словно я у неё проходила собеседование.

– Ладно, – наконец, кивнула она.

Я выдохнула. Всё-таки у неё бизнес на несколько миллионов долларов, а я ей стаканом в лоб засветила.

– Пока будешь извиняться, помоги снять.

Она повернулась ко мне спиной.

Стоило признать – эта женщина умела удивлять. Ладонки мигом вспотели, а пальцы неприятно затряслись. Хитрая застёжка всё никак не давалась.

– Вы простите меня, пожалуйста. Обычно я держу себя в руках...

– А тут ни себя, ни стакана не удержала, – хмыкнула она. Мачеха всё больше мне нравилась. Нормальная тётка!

– Надеюсь, вы не пострадали? – я вспомнила неприятный

чавкающий звук, когда стакан встретился с её скулой, и поправилась, – в смысле, несильно пострадали?

Она хмыкнула ещё раз и ещё, а потом повернулась ко мне лицом. Широко распахнутые глаза слезились, губы побелели и жадно хватали воздух, руки раздирали горло. А я в ужасе трезвела.

– Помогите! – пискнула я, а потом, прокашлявшись, заорала во весь голос. – Помогите! Человеку плохо!

Тут же в комнату влетел Капитоша и ещё кто-то, я не рассмотрела. Мой взгляд намертво сцепился с её, а потом я потеряла сознание.

***

В коридоре слышались шаги. Лязгнул замок и дверь открылась:

– На выход!

Я поднялась с перевёрнутого ведра, на котором всё это время сидела в тесной подсобке. Туфель не было они остались лежать под табуретом в баре, поэтому по коридору я шла босиком. Двое мужчин в форме проводили меня до какой-то каюты. Там, за столом сидели представительный усатый дядька в штатском и почему-то знакомый бармен.

Я уселась на стул напротив.

Дядька пристально меня разглядывал, а брюнет ободряюще улыбался. Первой сломалась я:

– Она умерла, да?

Усатый крякнул и пробормотал себе что-то под нос на ан-

глийском. Бармен быстро перевёл:

– Алевтина Ермяшко жива. Вы застали всего лишь аллергическую реакцию. Мы приносим вам извинения за то, что удерживали вас. Нужно было выяснить все обстоятельства...

После «всего лишь» я его не слушала. Я чуть не сдохла от ужаса, глядя, как она корчилась на полу. Сразу захотелось к маме.

– Ладно, скоро моя остановка, – сказала я поднимаясь.

Вчерашних приключений мне на всю оставшуюся жизнь хватит, пора домой.

– Подождите.

Я не изящно плюхнула свой зад обратно на стул.

Усатый опять что-то прокашлял, с моими школьными знаниями английского, его речь воспринималась именно так. Брюнет покивал и быстро ответил. Настолько быстро, что я поняла только «под мою ответственность».

– Варвара Михайловна, вы свидетель преступления, поэтому вам придётся задержаться.

– Какого преступления? Вы же сказали...

– Вчера у мадам Ермяшко похитили платиновое кольцо стоимостью два миллиона долларов. Свадебный подарок жениха.

Я забыла, как дышать. Неужели на меня собираются повесить кражу этого ошейника. Бог Мой, два миллиона долларов!

– Как свидетель, вы можете помочь...

Его голос проник под завесу паники, но я на всякий случай уточнила:

– Свидетель?

– Да. Расскажите, что происходило в каюте.

– Я пришла извиниться, она согласилась выслушать и попросила помочь снять кольцо, – вспоминала я. – А потом она так странно задыхалась, – я попыталась изобразить как именно. Усамого демонстрация не впечатлила, а вот брюнета напротив, даже слишком. – Она начала задыхаться, повалилась на пол, я позвала на помощь...

– Колье ещё было на ней? – перебил меня усатый.

– Пока я была в сознании да, – уверенно кивнула я.

Мужчины перешли на английский, а я всё не могла поверить, как такой ужас может стоять, так дорого. У Капитоши отвратительный вкус и на украшения, и на баб.

– Почему такое страшное, – пробормотала я.

– Простите? – отвлёкся бармен, мне сразу стало неудобно.

– Колье какое-то страшное, – усатый нахмурился, я поспешила исправиться: – вернее страшно красивое. Историческая ценность?

Брюнет улыбнулся и, несмотря на недовольство усатого, пояснил:

– Это творение известного дизайнера. В колье зашифровано куча смыслов. Одна из находок – потайная застёжка под центральным камнем, когда открываешь он распадается на две идеально подходящих друг другу половины.

Я кивнула. Мужчины продолжили обсуждение. Я же думала над скрытыми смыслами, может Капитоша исходил из внешнего вида: страшной бабе – страшное колье?

– Спасибо, вы можете идти, – перебил мои мысли усатый.

– Я провожу, – вызвался брюнет.

Я была рада его компании. Уже в коридоре я задала давно мучавший меня вопрос:

– Вы не бармен, верно?

– Меня зовут Мартин, я страховой агент.

– Не поняла?

– Колье застраховано на очень большие деньги, а наша компания доверяет своим клиентам...

– Но проверяет, – кивнула я.

Мы помолчали. Перед глазами опять всплыл эпизод в гостиной.

– Если застёжка с секретом, зачем Алевтина попросила помочь? Она что не знала, как его снять? Проверяла, не воткну ли я ей нож в спину?

Мартин резко остановился и как-то странно посмотрел на меня:

– В спину?

– Ну да, – проблеяла я, сейчас он не казался мне панком переростком.

– Попался, – сказал он по-английски и достал телефон.

***

– Иди сюда, началось! – позвала я.

Мартин выглянул из ванны, одна щека его ещё была в пене.

– Давай, – я подвинулась на кровати, уступая ему место. Он охотно плюхнулся рядом и обнял меня за талию.

По ящику заканчивался выпуск новостей. Диктор вежливо попрощалась и начался прогноз погоды. Камера замерла на ярком зонте, потом отдалилась, и в кадр попал молодой мужчина аристократичного вида. Хорошо поставленным голосом, он пропел первые строки из известной песни и обернулся к карте.

– Довольна? – спросил Мартин.

– Ага, но почему его не посадили?

– Подлинника на корабле не было, а от копии он избавился во время паники. На суше колье нам вернули. Компания к нему претензий не имеет. А госпожа Ермяшко просто ограничилась разводом.

– Но аллергический приступ случился же не просто так?! – возмутилась я.

Мартин чмокнул меня в нос, я фыркнула.

– Нуу, она ему по-своему отомстила.

Действительно, Алевтина не стала швыряться стаканами, она просто лишила его концертов. Теперь в его репертуаре осталась всего лишь строчка из песни о погоде.

Неоконченный разговор

Тело уже окоченело. В ночи ярко белели руки жертвы, примотанные скотчем к её лицу. Стас не спешил подходить, впервые он боялся.

– Грёбанный урод! – выругался рядом с ним Михалыч.

– Убийца хочет нам что-то сказать и не успокоится, пока мы не поймём, что именно, – собственный хриплый голос резанул по ушам.

Непослушные пальцы нащупали в кармане телефон. Жена ответила сразу. Он был ей за это благодарен, иначе его сердце просто не выдержало бы.

– Петров, ты имеешь совесть?

– Лен, ты дома?

– А где мне ещё быть в одиннадцать ночи?

– Я на выезде, скоро буду. Ты никуда не уходи и никому не открывай, – жена фыркнула в трубку. – Нам нужно поговорить.

– Наконец-то ты это понял...

Стас услышал гудки. Его семейная жизнь последнее время напоминала незаконченный телефонный разговор. Он пропадает на работе, она ищет вдохновение.

С ней всё в порядке, а это главное. Стас достал перчатки и приступил к осмотру.

***

Стас взглянул на часы, полчаса назад наступило новое сегодня. Он с усилием протёр лицо, как будто пытаясь снять усталость последних дней. Пора домой, но его держали пять фотографий, лежащих на столе. Пять ничем не связанных жертв. Вот только у преступника были свои мысли на этот счёт.

Мужчина 45 лет, бездомный. В крови коктейль из алкоголя и клофелина, найден мёртвым на остановке. Стандартная ситуация для подобных персонажей, если не считать разрезанный от уха до уха рот.

Стас потянулся за следующей фотографией, но отвлёкся на звук сообщения:

«Я устала».

Стас зажмурился. Он знал, разговора не избежать, слишком сильно у них с Ленкой всё запуталось. Но это должен быть нетелефонный разговор.

На следующей фотографии была женщина 28 лет. Проститутка, перед смертью выпила вина со снотворным, найдена на одной из съёмных квартир. Ничего особенного выбранная профессия не располагает к долгой и счастливой жизни. Вот только ей зачем-то отрезали язык и уши.

Стас бросил взгляд на экран телефона. Жена настаивала, судя по всему, она настроена решительно:

«Когда ты услышишь меня?»

Он перевернул телефон экраном вниз. Бесплодная попытка убежать от реальности. Они обязательно поговорят, но не

сейчас... позже.

Стас выложил следующее фото. Пропавшие части нашли уже через неделю в кармане следующей жертвы. Представительница другой древнейшей профессии, на этот раз журналистка. Что тридцатипятилетняя женщина забыла на крыше здания редакции до сих пор не известно. Коллеги говорят, что писала она для криминальной колонки. Может ей стало что-то известно, поэтому преступник и избавился от неё?

Телефон предупредил о принятом новом сообщении. Лена была на грани:

«Видит Бог, я пыталась!»

Стас понимал, как ей трудно жить с ним. Когда они познакомились, она только что закончила журфак. Много писала, хотела быть услышанной. Она мечтала о работе на телевидении или в известном издании. Но быть замужем за полицейским и работать в СМИ слишком сложно. Лена не сдавалась. Она начала писать книги. Говорят, очень интересные. Не зря же её последний роман был переиздан большим тиражом. Вот только ему всё никак не получалось почитать её. Слишком много чернухи на работе, чтобы в свободное время развлекать себя детективами, пусть и написанными собственной женой. Да и где это свободное время?

Рядом с журналисткой легло новое фото. Мужчина 24 лет, курьер интернет-магазина, не дошёл до офиса выдачи товара всего пару кварталов. Лицо скрыто лыжной шапочкой, а под ней... Смартфон вываливался из разрезанного рта жерт-

вы, поэтому убийце пришлось использовать скотч. Последний заказ парень доставил по адресу их полицейского участка. Михалыч считал, что преступник просто над ними издевается, почувствовал себя безнаказанным. Стас думал по-другому. Все эти смертельные инсталляции имели какой-то скрытый смысл.

До сегодняшнего дня Стас искал тайное послание для полицейских. Теперь же он был уверен, что преступник ведёт диалог только с ним.

Жена опять напомнила о себе.

«Ты не говоришь со мной, мы не видимся с тобой сутками. Зачем я тебе? Отпусти!»

Отпустить? Стас грохнул кулаком по столу, фотографии рассыпались. Почему она не хочет понять – он её любит. Как умеет. Если Лена уйдёт, он просто не сможет жить. Стас готов был ей простить всё: ложь, истерики, даже измену. Главное, лишь бы она была в его жизни. Там на месте преступления ему на миг показалось, что перед ним Лена.

Стас достал последнюю фотографию. Молодая женщина, прячущая лицо за ладонями. Брюнетка в тёмно-красном платье. Кажется, в похожем была его жена на премьере своей новой книги. Всё время пока эксперты снимали скотч, Стас не дышал. Он видел её платье, её волосы и очень боялся увидеть под скотчем её лицо.

А может он ошибается? Пытается переложить свои семейные проблемы на работу? Стас открыл приложение соцсети.

Сюда он заглядывал редко, только по делу. Поиск по фамилии ничего не дал. Он уже отчаялся, когда решил поискать в подписках. Надо же: он и Лена оказывается друзья. Она была зарегистрирована под псевдонимом. Ожидаемо. Звучание фамилии Стаса ей никогда не нравилось, слишком просто для писательницы.

Лента пестрела фотками. Стас нашёл последний пост, он был посвящён презентации новой книги. На миг сердце дало сбой. Жена была в тёмно-красном платье. Она счастливо улыбалась, демонстрируя фотографу обложку новой книги.

– Беззвучный крик, – прочёл Стас.

Он быстро пролистал ленту вниз.

«Чужие тайны». Фото журналистки на крыше редакции.

«Нетелефонный разговор». Яркая заставка на смартфоне, под лыжной шапочкой.

«Немая любовь». Мёртвая проститутка.

«Улыбка судьбы». Бомж, под клофелиновым дурманом.

Входящий вырвал его из сети.

– Алло, – голос его не слушался.

– Я ухожу.

В трубке слышалось эхо и журчание воды.

Словно наяву он увидел их ванную комнату, с дорогим ремонтом в чёрно-белых тонах, слегка оплывшие свечи и белое тело в красной воде.

Стас опустил руку в карман, вместо сигарет пальцы нащупали металл.

- Подожди, – он достал пистолет и приставил его к виску.
- Я с тобой, – сказал Стас и нажал на курок.

Осторожно, дети!

Жадность?

Никогда не думала, что воспитывать детей так сложно. Я сейчас не о «прокормить и дать достойное образование», а о добром и светлом...

Пока ходила беременной, думала вот рожу и станет легче. Боже, как я ошибалась! Понимание всей глубины моего заблуждения пришла не сразу, а спустя три месяца после рождения ребёнка. Как раз тогда, когда забавный свёрточек, сопящий в кроватке, начал выдавать осознанные реакции на окружающий мир. Вот тогда я задумалась о воспитании. Как же донести до нового человечка что такое хорошо, а что такое плохо?

Сначала я была уверена, что у меня получается. Моей дочери три, она любознательная и общительная девочка. Тьфу-тьфу-тьфу, в сторону. Сегодня она пришла из садика непривычно спокойной и задумчивой. Я с замиранием сердца поинтересовалась, что случилось. Пока доча держала паузу, у меня перед глазами проносились кадры из «дежурной части», там как раз недавно было что-то насчёт жестокости воспитателей. В тот момент, когда я накрутила себя достаточно, чтобы со сковородкой бежать в садик и начать уби-

вать. Моё солнышко, наконец, выдало:

– Мама, а почему быть жадной это плохо?

Сначала я расслабленно выдохнула, фигня-вопрос, сейчас просвещу! Ребёнку был дан стандартный ответ о том, что делиться нужно и т.д. Но вот потом... Потом я всю ночь думала. А действительно, почему быть жадным нехорошо? И для кого именно нехорошо: для того кто жадничает или кто просит? Перебрала в уме кучу сказок. Вывод: жадина всегда заканчивает плохо, а главный герой, разбазарив добро, наоборот, живёт долго и счастливо. Но то сказка, а в реальной жизни? Решила, как взрослый человек, рассмотреть проблему на собственном примере.

Вот, у меня есть телефон. Я слежу за балансом, вовремя пополняя счёт. А вот, мой сослуживец, который всегда забывает зарядить свой аппарат. Но при этом, все нужные ему номера помнит!

– Дай позвонить. Телефон сел, а жена за детьми поехала, – и многозначительно так бровками: типа сама знаешь баба за рулём и всё такое.

И я, конечно, даю. И не только я, но и весь наш отдел. Отказать как-то неудобно, ну что он там наговорит, копейки! Но вот как вижу его радостно-предвкушающую физиономию, когда он тянет ручонки, сразу же хочется стегануть по ним линейкой. Вывод: я не жадина. Попросят – делюсь, но вот счастья по этому поводу не испытываю.

Нет, это пример неудачный. Просто этот сослуживец не

вызывает у меня положительных эмоций, вот и цепляюсь. Нужно вспомнить, что-нибудь другое. Старательно морщю лобик и... вуаля!

Когда я училась в универе, мне подарили ручку на день рождения. Очень красивую и удобную. Мне она так нравилась, что я не расставалась с ней несколько курсов, заботливо меняя стержни. И вот как-то, я решилась на эксперимент в своей личной жизни, съехавшись с парнем. И вроде бы он меня во всём устраивал, и чувства какие-то были, но всё изменилось, когда я застучала его с ней. Он сидел за столом и что-то писал. Моей, блин, ручкой! Наверно, у меня что-то случилось с лицом, поскольку он поспешил спросить разрешения:

– Я возьму твою ручку?

«А ну, убрал от неё руки!», хотелось проорать мне, добавив книгой веса словам. Но я сдержалась. В самом деле, это же просто ручка...

– Конечно, – скрипнула зубами я.

После того случая я стала замечать за парнем кучу неприятных привычек. А через месяц, наш эксперимент закончился...

Вывод тот же. Может, я просто жадная? Нет-нет, не может быть! Просто вещь мне очень нравилась, да и знала я её дольше, чем того парня. Этот пример тоже не подходит. Нужно просто вспомнить ещё что-нибудь.

Переворачиваюсь на другой бок. Случайно бужу мужа, успокаиваю его и понимаю, что хочу в туалет. Муж спит, я чапаю в сан.узел. Интересно сколько времени. Беру телефон – полвторого. Яркий свет экрана будет дочку, убаюкиваю её и ложусь в кровать. Ворочаюсь. Ну не может быть, чтобы не было хоть одного случая, когда я не жадничала и испытывала удовольствие от этого! Вот хотя бы взять детство, ведь я была хорошей девочкой, по крайней мере, так говорила моя мама...

Моё детство пришлось на девяностые. Родители пахали на нескольких работах за копейки, чтобы прокормить меня и сестру, но при этом они умели быть счастливыми. Например, на праздники весь подъезд собирался у нас. Конечно, накрыть достойный стол было очень затратно для одной семьи. Поэтому соседки заранее договаривались, кто что готовит. Чудесное было время! И вот однажды, на Новый год, мама купила к чаю шоколадные конфеты.

Шоколадные!!!

Как бы это объяснить... Шоколад был для нас доступен только в одноимённом масле и по праздникам. Мы с сестрой вились возле них, как голодные акулы вокруг одинокого сёрфингиста. Мама, предусмотрительно не стала прятать лакомство, но строго приказала не трогать до праздника. В результате мы присматривали и за конфетами и друг за другом. С каждым днём мне было всё тяжелее держать себя в

руках. Пока однажды я не сделала ЭТО.

И вот наступил тот самый день. Пришли гости, мама подала чай с конфетами, зашуршали обёртки и...

– Ой, а у вас мышка завелась.

Мышка сидела и довольно улыбалась, план удался. Гости, за редким исключением отказывались от надкушенных конфет, заботливо заворачивая их обратно. В тот момент я не думала, как сильно мне достанется от родителей. Я была счастлива, ведь вторые половинки в итоге достанутся мне же!

Получается, что когда я с кем-нибудь делюсь, мне плохо. А когда жадничаю, испытываю удовольствие. Это вообще нормально? Чему я могу научить ребёнка? А-а-а, я плохая мать!

Но ведь для семьи, родителей и друзей мне ничего не жалко. Я счастлива, когда путём долгих наблюдений удаётся угадать с подарком родному человеку. Видеть радость в глазах, когда исполняешь чужое желание ни с чем не сравнимое удовольствие!

Вывод: нужно уметь дарить радость родным тебе людям. В голове послышался голосок любимой доченьки:

– Мама, так почему же быть жадной это плохо?

А действительно почему? Я осознала простую вещь: жадной быть хорошо, пока это чувство не мешает жить. За мои тридцать три, этого так и не случилось, а как это объяснить ребёнку, я подумаю позже. Удовлетворённо вздохнув, я про-

валилась в сон.

Мышка

Не так давно озаботилась поиском работы. Не то чтобы денег не хватает, но... Мне тридцать три года, у меня дом, муж и двое детей замечательного возраста. Дочке три – период вечных «почему». Сыну полгода – в кровати нам лежать уже скучно, а ходить ещё не можем. Поэтому мама возьми меня на ручки! Куда тут ещё и работа, спросите вы? Всё просто я хочу отдохнуть! Пока у меня только один способ сменить скорость – уехать к маме.

У мамы небольшая двухкомнатная квартирка в хрущёвке. Особенностью этой планировки является мизерная кухня. Может быть, когда-то это и было оправдано, но прогресс не стоит на месте и всё многообразие кухонной техники она вместить уже не может. Хотя, о чём это я, какое многообразие? Печка. Мойка. Стол и пара стульев. Холодильник не влез, поэтому переехал в коридор.

Мама живёт на первом этаже, рядом с магазином. С одной стороны, это удобно, за продуктами далеко ходить не нужно. Но с другой... Ни один продуктовый магазин не имеет полностью чистой совести перед санэпидемстанцией, вот и в нашем живут неожиданные квартиранты – мыши.

Однажды одна из них решила сменить прописку на мамыны скромные квадратные метры. То ли ленивая мышь попала, то ли привыкшая к комфорту – норку зверушка обо-

рудовала за холодильником, чтоб недалеко ходить. Моя родительница решила избавиться от наглой квартирантки радикальным способом. Затарившись в том же магазине отравой, она щедрой рукой напихала её вокруг холодильника. По принципу не сожрёт, так задохнётся. Надо сказать мама очень спешила, поскольку я объявила о своём скором приезде.

По задумке производителей Отравляющих Веществ жертва, объевшись, должна выползти на свет белый в поисках воды и только потом отойти в мир иной. Но наша мышка, как мы помним, была слишком ленива, чтобы бороться за свою жизнь. А может решила просто отомстить отравительнице. Короче, эта тварь сдохла в норе.

Спустя день я вместе с двумя детьми, мужественно одолев почти двести километров по тридцатиградусной жаре, прибыла в отчий дом. Тонкостей разыгравшейся драмы я не знала, да и мама до поры до времени надеялась всё сохранить в тайне. Но у мыши были другие планы. На второй день маме стало сложно делать вид, что ничего не случилось, и «воняет, скорее всего, в подъезде».

Надо сказать, отправляясь в путь, я втайне хотела похудеть, но особо на это не надеялась. Во-первых, кормление грудью к этому не располагает. А, во-вторых, ну кто худеет у мамы в гостях? И вот, как обычно, я встала ночью пожрать. Совесть заворчалась, просыпаясь, но урчание желудка было громче. Пробравшись к холодильнику, я имела неосто-

рожность глубоко вдохнуть, так сказать, в предвкушении. Есть расхотелось вмиг! Недавно почившая мышь действовала намного эффективнее маминога магнитика «На ночь не жрать!».

Мышка отравляла нам жизнь в течение двух недель (не представляю, какого размера был этот зверь!). Первое время мы ужасно страдали от голода. Как следствие, настроение ужасное, а тут, как назло, моя дочь очень заинтересовалась источником запаха. В свои три года она имела достаточный словарный запас, чтобы достать своими вопросами кого угодно. Видит Бог, я старалась корректно отвечать на все её «почему», но однажды я не выдержала:

- Мам, а что воняет?
- Я уже говорила, мышка.
- А где мышка?
- В норке.
- А что она там делает?
- Воняет.
- А она спит?
- Нет.
- А лапками дрыгает?
- Нет.
- Она играет?
- Нет.
- А что она делает?
- Ничего.

– А почему?

– Да потому что сдохла, теперь лежит, тварь, и воняет, – прошипела я, стараясь чтобы дочь не услышала.

Но у неё оказался очень хороший слух, мгновенная память и обширные связи. Дочка умудрилась запомнить два слова, комбинацию которых я с удивлением услышала на площадке. Кроме того, моя малышка очень честная девочка. Она не стала скрывать перед поражёнными родителями других детей, от кого именно услышала эти слова. С тех пор, проходя мимо площадки, я вздрагиваю, слыша «сдохла» и «тварь» в одном предложении. А в глазах местного взрослого населения мне до сих пор видится осуждение...

Дорогие родители, наши дети лучше нас и честнее! Имейте это в виду, прежде чем в сердцах крикнуть непечатное, иногда можно обойтись привычным «Ой!».

Первое слово

Первое слово ребёнка волнительный момент для любого родителя. Когда среди неясного гуления, вдруг чётко слышишь – мама или папа, сердце заходится в груди. Моя дочь рано начала издавать осознанные звуки: собачка – ав-ав, машина – бр-бр. А слова пока не получались. Всё семейство с близкими и не очень родственниками замерло в ожидании – кого же она позовёт первым – маму или папу? Команда поддержки мужа больше, поэтому и старались они усерднее. Мне, на самом деле, было всё равно: позовёт меня – прекрасно, мужа – ещё лучше! Я ведь и так с ребёнком провожу больше времени чем он. Первая улыбка досталась мне, первый поцелуй тоже, так что пусть первым словом будет ПА-ПА. Сказано – сделано! Когда любимого не было дома я брала дочку на руки и шла на кухню. Там, у холодильника, увешанного фотографиями, я с усердием тыкала в его изображение и повторяла:

– Папа, солнышко. Это, папа!

Солнышко гулила и улыбалась, но повторять за мной отказывалась. Меня это расстраивало, но сдаваться я не собиралась.

В субботу у меня SPA день. Муж остаётся за главного, а я удаляюсь на косметологические процедуры. Недалёко. В ванную... У меня есть почти целый час, который я могу по-

тратить только на себя! Прекрасно!

В эту субботу я так спешила сбежать, что забыла набор для маникюра в спальне. Звать мужа не стала, ведь стоит мне подать голос и всё! – ребёнок под дверью, слёзы стучат по полу, совесть рвёт сердце. Конец отдыху...

Намотав на себя полотенце, я тихонько выглянула за дверь. В коридоре чисто! Оставляя на ламинате мокрые следы, я прокралась к спальне. Тишина. Быстро нашла нужную коробочку и выскочила обратно. Странно. Вокруг было слишком тихо, любопытство, замешенное на тревоге, погнало меня посмотреть, что же происходит. Почему я не слышу пищание игрушек, гуление дочки или хотя бы мультиков?

В кухне шептались, я перестала дышать. Выглянув из-за угла, увидела, как муж возле холодильника тихонько втолковывает дочери:

– Принцесса, это мама. Ма-ма!

Аккуратно сдала назад. Задумалась. С одной стороны, приятно. Да, что там, чертовски приятно! Такая трогательная забота. Но с другой стороны, мне нужен был новый план...

У нас дома куча игрушек. Нет, не так. У нас дома столько игрушек, что многие я даже не помню. Толпа родственников усердно пополняет их количество. Причём даже когда мы отнекиваемся в ответ на вопрос «Что подарить?», они норовят сунуть что-нибудь «незаметно». В одной из коробок нашла пальчиковые игрушки. Такие мелкие фигурки живот-

ных, которые одеваются на пальцы. С удивлением обнаружила, что их двенадцать: то ли китайцы обсчитались, то ли у меня что-то не так с руками... Дочь заметила новинку и с интересом потянулась ко мне. Начали играть. Надеваю на палец собаку.

– Солнышко, это собачка!

– Ав-ав! – радостно щебечет доча.

– Молодец!

Пропускаю слона и бегемота, беру лягушку:

– А, это лягушка!

– Ква-ква!

– Умничка!

Пытаюсь пропустить медведя, но доча замечает и требовательно тычет пальчиком. Надеваю:

– Это медведь!

Солнышко молчит и вопросительно хлопает голубыми глазками. Вздыхаю.

– Ы-ы. Говорит медведь. Ы-ы!

Доча радостно повторяет.

В конце списка оказывается что-то серое с большим носом и ушами. Сначала я решила, что это слон. Но он вроде бы уже был? Вот откуда лишние животные! Китайцы просто подстраховались на случай потери. Но нет. Первый «слон» розовый, а этот серый. Серый, уши, нос – ах, это же мышка. Улыбаюсь.

– Мышка. Пи-пи, говорит мышка.

– Па-па! – старается доча.

– Нет, маленькая. Пи-пи, говорит мышка.

– Па-па!

И тут меня осенило! Пока мы играли, мой мозг, слегка припорошённый декретной пылью, скрипя извилинами, разрабатывал план «Б».

Вечером пришёл муж, доча повисла у него на шее. Я его обняла и на ухо прошептала:

– А у нас для тебя сюрприз!

– Какой?

– Солнышко, кто это? – одной рукой показываю на мужа, пальцами другой поглаживаю его по плечу.

Дочь, умничка, делает всё, как и задумано:

– Па-па!

Счастью не было предела! Но громче всех радовались родственники. Доча по телефону, и по скайпу, и на камеру повторяла – Па-па! Па-па! Видела эмоции на лице взрослых и сама заливисто смеялась. Вечер удался!

Я уложила дочку спать и нырнула под одеяло к мужу. Он меня крепко обнял и шёпотом признался:

– Это был самый счастливый день в моей жизни...

Я улыбнулась и поцеловала его, незаметно пряча мышку под подушку. Вряд ли она ещё понадобится, последний десяток звонков наша малышка справлялась и без демонстрации игрушки. Но как говорится, бережённому....

Чуть позже мне пришлось признаться в своей хитрости:

доча до двух лет папу и мышку называла одинаково. Но муж не обиделся. Наоборот, он сказал, что я самая лучшая на свете жена и мать.

Мой сын оказался разговорчивее, чем дочь. В год он сказал своё первое слово – «Отдай!». Думаю, насчёт «самой лучшей» матери супруг всё-таки поторопился...

Мама, Маша и машина.

Что делать, если твоя мама водитель?

Если твоя мама 35 лет за рулем и считает себя отличным водителем?

Моя мама чудесная женщина. И все было у нас прекрасно пока я не получила права.

На свой первый автомобиль мама заработала сама. Я же в отличие от нее взяла машину в кредит.

– Надо было брать то, на что хватало денег! Это же твоя первая машина, она и не должна быть новой!

Тут я с ней пыталась поспорить, но все мои робкие «за» натыкались на ее железобетонные «против». Так получилось, что машину я взяла, уже после того, как стала жить отдельно. Поэтому почти два года мне не удавалось продемонстрировать свои навыки вождения маме. Обычно её возил мой будущий муж, она всецело ему доверяла свои жизнь и здоровье, даже ездила на переднем сидении! И вот наступил день X...

Свадьба самый счастливый день для девушки, но главное пережить день ДО! Мой будущий муж занимался мелкими организационными вопросами, а мне пришлось ехать в свой поселок забирать маму и подруг. От города, где намечалось торжество, до поселка около двухсот километров, по хоро-

шей дороге часа два с половиной. Я даже не подозревала, что эти часы могут быть такими долгими!

Поскольку прическу мне должны были делать прямо с утра, то в путь я отправилась с бигудями на голове. С железными бигудями! Выехала я в шесть вечера, когда еще солнце не успело зайти, но уже не слепит. Водители, обгонявшие мою ласточку, притормаживали от неожиданности, а некоторые даже пытались меня запечатлеть. Ну, еще бы, я была просто великолепна! Солнечные лучи отражались от металла бигуди, создавая впечатление экзотического шлема. Ну, или свернутых змей, как у медузы Горгоны, это уже комментарий моей мамы.

В общем, пока я добралась до места, я совершенно перестала нервничать из-за свадьбы. Да что там, кроме злости и раздражения у меня не осталось вообще никаких эмоций. Собрав, по дороге к отчому дому, своих подруг, я заехала за мамой. Подруги из вежливости оставили для нее переднее сидение, но она демонстративно села назад. Это был первый звоночек, но я мужественно промолчала.

В полной мере я поняла, во что вляпалась, когда разворачивалась на узкой улочке. Я сдавала назад, а мама очень шумно переживала за соседские клумбы и заборы. И вообще, как она в случае чего, соседям в глаза смотреть будет. Всю дорогу я слушала ее комментарии о моей манере вождения: то быстро еду, то криво еду, зачем обгоняю и тд. Первое время подруги пытались меня отстоять, но быстро сдались.

Я готова была вцепиться зубами в руль, но всё-таки терпела.

В какой-то момент ей не понравилась скорость автомобиля. Учитывая ее минус четыре и неработающий спидометр, стрелка которого поднималась выше нуля только на кочках, то цифра, о которой она говорила, жила только в ее воображении.

– Все! Останови машину, я пойду по обочине! – заявила она мне, – А тебе придется ехать за мной со скоростью пешехода! Пусть тебе будет стыдно!

Мое терпение подходило к концу, поэтому я не удержалась и пошутила:

– Ты так в этом уверена?

Уточнять, что именно я имела в виду не стала, предоставив маме самой решать с чем связаны мои сомнения. С тем, что будет стыдно или что буду ехать за ней, а не нажму на педальку, как только за мамой закроется дверь. Видимо что-то такое было в моем голосе, но она обиделась и перестала со мной разговаривать до самого дома. Я же испытывала противоречивые чувства, с одной стороны, я была счастлива ехать в тишине, с другой – мне было стыдно...

Так, что же делать, если твоя мама водитель? В тот день я нашла ответ – уточнить подробности у папы! Папа, приехавший на праздник прямо из командировки, в тот вечер собрал вокруг себя огромную аудиторию.

– ...развернулась на нашей улице? Молодец! А наша мама

не может выехать со двора не оставив краску на заборе.

А я-то думала, почему при отсутствии прав, только папа, а позже я, выгоняли машину!

– ... новая машина? Выплатим, наша первая тоже была с завода. Долги за нее, помниться, пришлось выплачивать следующие два года, правда?

Папа еще долго мог делиться забавными фактами из 35-летнего водительского стажа мамы, но тут она решила, что хорошего понемножку:

– Ну, все! Девочка и так устала, а завтра ей нужно рано вставать, так что заканчивай тут со своими байками.

Уже засыпая, я услышала, как мама рассказывала моему будущему мужу о том, какая я молодец, терпела ее всю дорогу.

– Но ты всё-таки ещё подучи её, а то, что за учеба в современных школах, вот в наше время...

Я поняла, что мама меня любит, гордится мной и переживает, поэтому я с легкостью могу себе позволить быть хоть в чем-то хуже неё. С тех пор, в поездках мама заняла переднее сидение, а я покорно сношу все замечания, ведь ещё не известно, какой мамой буду я.

Психологические сказки для взрослых

План "Б"

Из серии "Терапевтические сказки для взрослых"

Амалия растянула глоток и затаилась. Вторая. На соседнем балконе застыла молоденькая девушка. Амалия улыбнулась и отсалютовала ей бокалом. Послеобеденное солнце преломилось в хрустале, разбросав красные слёзы на стену. Красиво. Амалия сделала последнюю третью затяжку и оставила сигарету в пепельнице. На кухне её ждал Данька и его девушка.

– Ба, пора завязывать, – старательно сдерживая улыбку, внук сдвинул брови и погрозил ей пальцем.

Сейчас он был просто копией своего отца. Амалия незаметно вздохнула.

– Мальчик мой, – не удержавшись, она взъерошила его волосы. – Я сейчас в таком возрасте, что даже шнурки не смогу завязать.

– Ну что вы, Амалия Федоровна вы прекрасно выглядите для... – Амалия картинно изогнула густо накрашенную бровь. Девчушка осеклась и покраснела, потом торопливо

попыталась исправить ситуацию. – В смысле молодо и... проживёте ещё очень долго.

Стол подпрыгнул и чашки дружно звякнули. Данька виновато улыбнулся, а его девушка спряталась за торт.

Амалия бросила взгляд на буфет. Там за стеклом уже полгода прятался конверт из поликлиники. И когда же успел заглянуть?

– Прочитал, значит, – усмехнулась Амалия и села на своё место.

– Прости, – двухметровый внучок изобразил раскаяние.

– Ладно уж, давайте доедать торт. У меня сегодня планы, а мне ещё собираться.

***

– ...неоперабельна.

Новость, принесенная сыном, оглушила меня. Амалия мне всегда представлялась явлением постоянным и незыблемым. С момента знакомства и по сей день она была рядом. На нашей с Костиком свадьбе отплясывала до утра, не пропустила ни одного тоста, а потом сама убирала со стола, что

бы нам молодым дать отдохнуть.

Молча забрала Даньку, когда увидела меня опухшую, после нескольких бессонных ночей. У него как раз резались зубки, судя по ору сразу весь комплект. Не обращая внимание на вялые протесты, отправила меня спать на диван в зале. Засыпая, я слышала, как она шёпотом распекала Костика, что он не позвонил раньше.

На том же диване мы изливали друг другу горе, когда Костик погиб. Я тогда не знала, что делать одна, с восьмимесячным ребёнком на руках. Но у неё был план. Последние двадцать пять лет мы следовали ему вместе. А теперь она собирается уйти?

Упрямая старуха! Весь день я обдумывала речь, приводила доводы, искала причины бороться за жизнь. Но в глубине души понимала: если уж она приняла решение, не свернёт. Оставался только откровенный шантаж. Сегодня Данька хотел ей сообщить новость, но не смог. Значит, сейчас это сделаю я.

После работы я пошла к ней домой. Вот так без предупреждения. Позвони я и Амалия запросто могла сбежать куда-нибудь. Последнее года два она часто и много гуляла. Одна. Полностью игнорируя звонки телефона. Порой она доводила меня до инфаркта. Хорошо, что на телефоне стоял родительский контроль и мне хотя бы виртуально удавалось следить за её передвижениями.

На площадке было темно и неудобно. Моя решимость уте-

кала вместе с последними закатными лучами. Что бы ни потерять её совсем, я нажала на звонок. Никого. Телефон ответил мне долгими гудками. Как всегда! Я привычно включила навигатор. Отметка замерла в парке на набережной. Это любимое её место в тёплое время года. Поминутно сверяясь с навигатором, я села в трамвай. Мне всё, казалось, стоит мне отвести глаза от отметки, и та исчезнет. А жить без Амалии я не умела.

Набережная встретила меня приятной свежестью и музыкой. Похоже на что-то латиноамериканское, чувственное и молодое. Я сама себе казалась здесь лишней. На небольшом пяточке словно тени двигались пары. Боже, как это красиво. В моей жизни такого никогда не было. Амалия сидела на лавочке почти в эпицентре этого вихря. Я опустилась рядом.

– Красиво.

– Бочата, – пояснила она.

Я повернулась к ней и набрала побольше воздуха:

– Амалия, послушай меня...

– Коть, я не собираюсь думать о смерти пока жива, – перебила она.

Я отвернулась.

Одна пара прошла рядом. На секунду мне показалось, что молодой человек, лет на десять старше Дани, нам подмигнул. Этот факт меня слегка выбил из равновесия. Щелчок зажигалки вернул мне смелости:

– Ты много куришь. Не нужно было начинать.

– Кому не нужно? – первая затяжка. – Мне всегда нравились сухое вино, сигареты и танцы. На первое и второе никогда не хватало денег, а на последнее – времени. Думаю, пора перестать в чём-то себя ограничивать, – её удивительно чёрные глаза остановились на моём лице. – Вот ты, когда дела что-то для себя?

В моём плане не было разговора об этом. Да и растерялась я, если честно, поэтому выдала заготовленный на крайний случай козырь:

– Данька женится.

– Угу, – выдохнула она второй раз.

Музыка сменилась. Пары пошли на новый круг.

– Что думаешь?

– Думаю рано.

– Ха! Сама-то замуж в двадцать выскочила!

– Так-то было первый раз, – она ещё затянулась и выбросила сигарету. – В первом браке у меня была любовь к сыну. А вот к мужу любовь пришла только во втором.

Музыка остановилась, Пары замерли. Одна из них задержалась напротив. Это был тот самый парень, на этот раз он улыбнулся и кивнул. Вот наглец! Я обернулась поделиться наблюдением с Амалией, но заметила, как она кивнула ему в ответ. Поражённая, я уставилась на приближающегося танцора.

– Жить для себя я начала только в семьдесят, не затягивай с этим. Филипп! – Амалия протянула ему свою малень-

кую ладошку и тот галантно её пожал. – Знакомься, это моя невестка Катерина. Пригласи её, а я пока с Андрюшей поздоровуюсь.

Филипп протянул руку, и я сама не знаю почему ответила тем же. Пока ставили новую музыку и менялись пары Филипп показывал мне основные движения. Я передвигала ноги по команде и старалась не смотреть вниз. Смущение и одновременно давно забытое ощущение сильного тела рядом надавали ясно мыслить. Заиграла музыка. Филип дал мне возможность её послушать и посмотреть на других. Мимо уверено проскользила Амалия с пухлым очкариком средних лет. Она плыла, полуприкрыв глаза, и улыбалась этому вечеру.

"Значит у неё есть новый план", подумала я.

Уверенные руки повели меня по рисунку танца. Я закрыла глаза, сделала шаг и почувствовала рядом Костика.

Миф о страхе

Сердце кольнуло, Мэри Сью тяжело поднялась с дивана и направилась к шкафу. Где-то здесь должны быть сердечные пилюли. Коробка с лекарством исчезла с привычного места и нашлась только на верхней полке. Мэри потянулась, кончики пальцев скользнули по корешку какой-то книги. Это оказался школьный альбом. Когда Мэри уходил на пенсию её коллеги собрали фотографии всех классов, в которых она преподавала, и сделали ей этот подарок. Как же долго он пылился!

Мэри удобно устроилась на диване и погрузилась в воспоминания. Сердечные капли были уже давно забыты, да и боль тоже. Глянцевые, пожелтевшие на уголках, страницы хранили всю её жизнь. Каждый разворот посвящён одному классу. Слева фотография третьеклашек, справа уже взрослых людей.

Взгляд остановился на изображении мужчины в форменном мундире. Майкл Элкотт, командир пожарного расчёта. Мэри прикрыла глаза, вспоминая бойкого мальчугана с серьёзными серыми глазами...

– Кто скажет, кем он хочет быть?

Сразу же полкласса подняли руки вверх. Спустя минуту к ним присоединились и остальные. Мэри Сью обвела взглядом своих учеников, все так хотели ответить первыми, что

некоторые буквально высказывались из-за своих парт.

– Хорошо, – улыбнулась она и, сделав вид, что задумалась, протянула руку в сторону первой парты. – Давай Изи.

Смешная девочка с рыжими кудряшками и россыпью веснушек на носу резко подскочила и выпалила:

– Я буду врачом. Стома.. Смота.. Дантистом, вот!

– Здорово! А почему ты хочешь стать стоматологом?

– Мама говорит, что они всегда себя смогут прокормить!

Всё потому, что дети едят много сладкого.

Последние слова потонули в звонком детском смехе.

– Хорошо, а теперь ты, Роби?

Мальчишка на последнем ряду встрепенулся и на одном дыхании выдал:

– Я хочу быть страховым агентом. Как папа. Тогда у меня будет такая же машина!

– Молодец! А ты Томи?

– А я буду акции продавать! Как Ди Каприо из того фильма!

– А я хочу сниматься в кино!

– ...я буду спортсменом!

– ...известной писательницей!

Мэри заметила, что один ученик прячет руки под партой. Странно. Майк Элкотт всегда такой активный мальчик, а тут молчит. Неужели на него так повлияла та неприятность? Мэри вспомнила, происшествие недельной давности. По соседству с Элкоттами сгорел дом, пустой. Никто, слава господу,

не пострадал. Но мальчик после этого стал тише. Нужно будет сказать психологу.

Мэри не стала его спрашивать при всех. Уже позже, когда уроки закончились, она задержала Майка в кабинете.

– А ты? Кем хочешь быть ты, когда вырастешь?

– Пожарным, – тихо проговорил он.

– Очень хорошо, – она оказалась права, мальчик слишком близко принял всё к сердцу. – А почему?

Майк молча рассматривал что-то на полу. Когда Мэри уже собралась предложить ему зайти в кабинет мисс Чаповски, он ответил непривычно взрослым тоном.

– Потому что очень боюсь...

Мэри закрыла альбом, сердце тянуло, неприятно, но терпимо. Тогда ответ этого маленького мальчика сильно озадачил её. А потом, уж на пенсии, она поняла. Из всего класса только Майк смог стать тем, кем хотел. У всех остальных жизнь сложилась далеко от задуманного. Они хотели достичь мечты всей душой, но одного желания оказалось мало. Нужно что-то большее, например, страх.

Страх остаться прежним.

Рамки

Пятница, конец рабочей недели. Сотни офисных работников наводнили метро. Двери вагонов, словно ширинка на любители пива с колбасками, сходятся только на выдохе. Люди ужались, створки сомкнулись, и очередная партия пассажиров умчалась в сторону центра. Скоро все бары Мариенплац и прилегающие к ней улочки будут заполнены жаждущими выпивки и приключений служащими, бухгалтерами и юристами.

Кейт искала одиночества. В большом городе час тишины это роскошь, тем более в пятницу. Но она знала, где можно купить уединение всего за семь евро. Смешная цена, если подумать.

Выход на Кёнингсплац был почти свободен. Ещё бы, кто вздумает в пятницу вечером идти в музей?

Сегодня вместо светлых залов с античными экспонатами, Кейт выбрала выставку современного искусства. Огромный полутёмный зал был разграничен ширмами, словно лабиринт Минотавра. Фотографии в разномастных рамах, навевали ассоциации с Икея. Кейт даже обернулась в поисках тележек и шумных семейств на выгуле, но кроме неё здесь никого не было.

Кейт не была поклонником фотографии, уж лучше битая посуда древних эллийцев. Она даже хотела уйти, но взгляд

зацепился за рамку одного портрета. Она была потёртой и очень старой на вид, как будто бы досталась в наследство. Неужели у художника не хватило средств на достойное обрамление для своих работ? Кейт пренебрежительно хмыкнула и неожиданно для себя пошла дальше. Вот ещё одно фото с улыбающейся девушкой и опять странная рамка: картонная, лёгкая, треснувшая на углах, словно героине тесно.

Следующий портрет принадлежал мужчине со строгой причёской, его рамка, напротив, была жёсткой, как узел его галстука. Бедный, как же ему трудно, наверно.

Ещё одна картина, здесь старик и мальчик. Они что-то с интересом рассматривают за пределами комнаты. Казалось, стоит протянуть руку и провалишься к ним. Кейт вздрогнула, когда пальцы коснулись холодного стекла. И только тут она заметила – у этой картины не было рамы. Эти двое были абсолютно свободны. Мощный поток жизнелюбия и оптимизма вырывался в пустой коридор, обволакивал, проникал под стылое пальто и жаром дышал на холодные пальцы.

«А ведь это выставка не фотографий», – подумала Кейт.

«Это как в жизни, у каждого свои рамки. Мы с самого детства выстраиваем их вокруг себя: отказываемся от желаний, исполняем чужие мечты и верим, что завтра всё измениться. А сегодня мы недовольны собой и своей жизнью, тратим огромные средства на самообразование, развитие и на спортзал».

Кейт переходила от одной картины к другой. На всех бы-

ли изображены люди. Каждый из них был чем-то увлечён и совсем не смотрел на зрителя, словно художник подсматривал за ними в замочную скважину. Каждая фотография была оформлена в свою неповторимую раму.

«Интересно, а как бы выглядел мой портрет?» – подумала Кейт. И тут же перед глазами встала маленькая фотография, на которой её силуэт темнел на фоне ярких портретов. Кейт в панике обернулась, картин больше не было. Были окна, через которые лилась жизнь, неровными точками или широким потоком, лёгким сквозняком или оглушающей лавиной. Чужая, не её.

Как же так? Она всегда такая независимая, интеллектуально развитая, «гордячка Кейт» смогла вместить всю свою жизнь в формат 9 на 12. Почему?

«Потому что ты не знаешь, чего хочешь», прошепело от фотографии девушки.

– Я знаю! Я просто хочу немного уединения, побыть сама с собой!

«Зачем тебе это?» улыбнулся старик.

– Я... я хочу...мне нужно...

Мысли путались, в голове звучали чужие голоса, а ответа всё нет. Голоса оглушали, их было так много, что, казалось, черепная коробка сейчас лопнет. Кейт обхватила голову руками, не помогло. Тогда она закричала, во весь голос так, как могла только в детстве.

Тишина.

Люди застыли в своих рамках.

Кейт оглянулась, портреты молчали.

– Что я хочу? – прошептала она и в первые за тридцать лет прислушалась к себе.

Пиццу.

С сыром.

И позвонить маме.

Кейт нащупала в кармане телефон и уверенно пошла к выходу.

Старик слышал её удаляющиеся шаги и улыбался внуку.

Подарок Вселенной

Вселенная щедро одарила его всеми благами, которые

только можно было пожелать. Работа по специальности, где коллеги радовались его успехам, а начальник регулярно за них доплачивал. Друзья, готовые прийти к нему по первому зову, например, занести мебель в новую квартиру или подобрать на объездной в два часа ночи. У него была машина всё, как и хотел – спортивная, навороченная, дорогая. Были у него и свои идеальные отношения. Правда, пару месяцев назад, как и от машины, он от них избавился. Машину продал потому, что понял – она ему не нужна. Девушка ушла, по той же причине, но только сама.

Всё стало даже лучше: деньги, друзья, путешествия и необременительная любовь. Так почему он несчастлив?

– Хорош ныть!

Славик припечатал бокалом об стойку и кивнул бармену. Пока тот наливал новую порцию авторского пива, приступил к терапии:

– Паш, всё в твоей гладкой жизни случается само, понимаешь? Ты классный парень, хороший друг. Прости за то, что я тебе сейчас скажу, но тебе по жизни ни разу не пришлось рвать жопу или рисковать. Кстати, Ирка от тебя ушла именно поэтому.

Смена темы оказалась настолько неожиданной, что Паша с трудом пропихнул только что отпитое пиво:

– При чём тут Ирка? – сквозь слёзы прокашлял он.

– Да при том! Она была всего лишь девайсом в твоей удобной жизни.

Запястье Павла дёрнул вибро. Завтра десятое, отчётный день. Славик довольно кивнул:

– Видишь, у тебя всё по будильнику: подъём, завтрак, такси на работу, даже посиделки с друзьями. Ладно, пора уже.

– Подожди, – Паша вцепился в пиджак друга. – Значит, чтобы почувствовать радость нужно что-то изменить? – Опять вспомнилась Ирка. – Стрижку, что ли?

– Ну, типа того. Главное, быть готовым к переменам...

***

В такси Паша проживал разговор снова и снова. С рождения его жизнь словно пазл складывалась сама. Пришла пора что-то менять. Но что? Работу? Друзей? Место жительства? Личную жизнь? Всё, на что натыкалась его мысль, менять не хотелось. Уже дома, прижавшись лицом к панорамному окну своей спальни, он тихо попросил:

– Божечка... Вселенная... и ли как там правильно? ... ты же присматриваешь там за мной и знаешь, как лучше. Прошу помощи стать счастливым.

Солнце беспардонно ворвалось в спальню сквозь шторы. Паша зарылся в подушку, чтобы спрятаться от него, но вдруг понял – чего-то не хватает. Будильник! На прикроватной тумбочке слепо шурились электронные часы. Видимо, ночью вырубили электричество. А наручные он вчера забыл поставить на зарядку! Сколько же времени? Паша лихорадочно заметался в поисках телефона. Тот обнаружился в брюках в

корзине с грязным бельём.

7:30. Чёрт, опаздывает! А сегодня шеф ждёт отчёт по проекту.

Паша быстро оделся и выскочил из квартиры. Экономленное на завтраке время давало шанс на то, что на работе он будет вовремя. Лифт не работал, Паша чертыхнулся ещё раз и выбежал на лестницу. Где-то на уровне то ли пятого, то ли шестого он чуть не сбил с ног усатого дядьку в спецовке.

– ...оставила весь дом без света! – взлохмаченная девушка в цветастом халате, съёжилась под его мощным рыком.

Такие халаты Паша видел только в детстве на соседке тёте Любе. Даже странно встретить этот халат в их почти элитной высотке.

Из подъезда он вылетел, одновременно набирая телефон такси. "Все машины заняты".

Он свернул на остановку маршруток. Необязательно начинать перемены с парикмахерской, правда?

Маршрутка его встретила угрюмыми лицами, совсем не майской духотой и чужими запахами. Желание занять свободное сидение едва не оказалось последним в его жизни. После того как в салоне движение замерло и всё свободное пространство заполнилось сумками и частями тел, маршрутка, наконец, тронулась.

Через пару остановок Паша понял, что забыл бумажник дома. Вопрос о ReuPal водитель принял за оскорбление. Пашу настоятельно попросили выйти.

Микроавтобус тронулся, едва нога его ступила на тротуар. Паша неловко отскочил, запнулся и упал. Он приземлился на руки. Смартфон спикировал на экран.

На работу он опоздал, отчёт считай завалил. Но самое неприятное, что пропуск остался дома в кармане бумажника. Новый охранник отказывался его пускать, если он не вспомнит телефон начальника. Паша не любил засорять память лишней информацией. Все номера он доверял смартфону. Чёрный экран с паутиной трещин безмолвно страдал вместе с ним.

Паша полдня продежурил на проходной в надежде, что встретится кто-нибудь из коллег. Но их офис был оборудован всем необходимым: удобными рабочими местами, бесплатным спортзалом и уютной столовой. Около двух часов он понял, что лучше вернуться домой, найти бумажник, купить новый телефон и позвонить шефу.

Раньше на работу Паша всегда ездил на машине, но знал через дворы можно здорово сократить.

"Плохая идея", понял он, убегая от нетрезвой компании в одном из дворов.

Паша не зря ходил в офисный спортзал, бегал он хорошо. Жаль, что ориентировался плохо.

Зажали его в каких-то гаражах и долго били. Парней разозлило не то, что он убегал, а то, что взять с него оказалось нечего.

В свой подъезд Паша ввалился уже вечером. Лифты ещё

не работали, пришлось тащить своё изрядно помятое тельце по лестнице. Где-то на пятом или шестом он чуть не споткнулся об ту самую девушку в тетьлюбином халате. Сначала он хотел её обойти, но потом передумал и плюхнулся рядом на ступеньку. Она молча предложила свою бутылку пива. Благодарно кивнув, он, наконец, позавтракал.

Её действительно звали Люба и с ней было хорошо: сидеть молча на ступеньках на тёмной лестнице, а когда дали свет, обжигаться, глотая яичницу на вредном домашнем сале. Потом, кажется, был секс и непривычно долгое знакомство.

– Хорошо, – уже засыпая, прошептала Любовь.

– Да, – согласился он и глянул на часы. Полпервого. – Хорошо, что этот сумасшедший день закончился.

***

Знакомая трель будильника ворвалась в его сон. Паша открыл глаза и с удовольствием потянулся. Его рука наткнулась на пустоту. Ни Любы, ни её цветастого халата не было. И этот факт неожиданно расстроил. Паша наскоро оделся и выскочил из дома. До работы времени достаточно, а позавтракать он сможет и у Любы.

Расположение её квартиры он помнил, а вот этаж нет. Он начал шестого. Любы там не было, да и часть коридора, мелькнувшая за спиной хмурого деда, была Паше не знакома. На пятом этаже нужная дверь вообще отсутствовала.

Растерянный, он сел в такси, решив заняться поисками вечером после работы. На проходной дежурил знакомый

охранник, да и пропуск сегодня был при нём. Паша немного опасался шефа из-за вчерашнего и очень удивился, когда тот благодушно пригласил его в кабинет:

– Сегодня десятое, отчёт по проекту готов?

Паша растерянно кивнул, протянул флешку и вдруг ясно понял – Вселенная действительно его любит. А вот он свою Любовь уже потерял.

Мохнатое солнце

Сонные лучи лениво скользили по Алькиному бедру. Макс наблюдал за ними и улыбался. Её голова лежала у него на плече, а пальчики выводили таинственные узоры на груди. Было хорошо и немного щекотно.

– Кстати, помнишь, Ленку? – шевельнулась Алька.

Макс озадаченно моргнул. Не это хотелось бы услышать после утреннего секса. В расслабленном и неожиданном подвоха сознании пронеслись тысяча и одна Ленка, но ни одна из них никак не могла прийти «кстати».

– Какую Ленку? – с опаской уточнил Макс.

– Сестру мою! – раздраженно фыркнула Алька.

Сестра была троюродной и жила у черта на рогах. Видел её Макс всего-то раза четыре, но это не точно.

– Помню, – соврал Макс, пытаясь мысленно из вереницы лиц будущей родни выделить ту самую Ленку.

– Она переезжает и хочет нам кое-какие вещи отдать.

– Да ну! – фыркнул Макс и высказал разумную, как ему показалось, мысль. – Это далеко, давай все, что тебе нужно просто купим здесь, м?

***

«Кое-какие» вещи заняли весь багажник и большую часть салона. На крыше девятки собирал трупы насекомых «почти новый комод». Проезд к черту на рога и обратно сожрал

полбака бензина, хорошее настроение и единственный выходной. Как только Макс припарковался у своего подъезда, Алька сразу выскользнула из машины и, стараясь не встретиться с ним взглядом, принялась носить мелкие коробки.

– Я все, – пискнула Алька.

– Я тоже, – буркнул Макс, распутывая последний узел удерживающей комод веревки. Внутри что-то бумкнуло. Макс дернулся от неожиданности и чуть не уронил его. Обидно было бы прокатать комод двести километров, чтобы потом расхерачить его об асфальт у самого дома.

Макс аккуратно поставил его на тротуар, и прислушался. В верхнем ящике отчетливо заскреблось. Макс переглянулся с озадаченной Алькой и, скovyрнув скотч, потянул ручку на себя. Взлохмаченная тень с безумными глазами метнулась в дальний угол и страшно зашипела.

– Я это обратно не повезу, – Макс захлопнул ящик. – Пусть Ленка сама за ней едет!

Тварь шипела и скреблась всю ночь, угомонившись только под утро. Макс уже жалел, что поддался уговором и не оставил комод в подъезде. Алька трусливо сбежала на работу на час раньше. Как фрилансер Макс мог бы поваляться подольше, но сон сбежал вслед за Алькой. Макс дождался, когда за ней хлопнет дверь и восстал с кровати. Не выспавшийся и злой он потащился на кухню варить кофе. У мойки под тапкой что-то хрустнуло. Правая нога «поехала», оставив левую на мете. От шпагата его спасла хорошая реакция и креп-

кие шторы. Собрав ноги в кучу, Макс озадаченно осмотрелся. На полу в жирном пятне белели осколки блюда, судя по цветочкам, из Ленкиного сервиза. По подошве тонким слоем размазалась некая субстанция по запаху, напоминавшая колбасу варенку. Чтобы не растянуться еще раз, Макс оперся на подоконник, растерянно соображая, зачем Альке раскидывать по полу колбасу. За шторой что-то шевельнулось, Макс обернулся и успел заметить, как рыжая лапа с огромными когтями мелькнула в просвете, тут же на предплечье вспухли красные полосы.

– Ах, ты ж, тварина! – взвыл Макс.

Тварина рванулась мимо рук, снесла сахарницу со стола, напоролась на пластиковый табурет, перевернув его, и выскочила из кухни. Как ни старался Макс найти её, так и не смог. А потом он сел за комп и стало не до того.

Утреннее происшествие определило весь день: на планерке шеф объявил о необходимости личного общения с клиентом, по закону подлости ближайшим сотрудником к месту встречи оказался Макс. Встречу назначили на четыре: час на дорогу плюс час на сборы, значит, проект нужно успеть сдать до двух. Макс управился к двенадцати, но чувствовал он себя при этом полностью выжатым.

Макс приготовил парадные черные джинсы и светлую рубашку, начистил туфли и решил немного вздремнуть. Проснулся он по ощущениям уже минут через десять от того, что кто-то поставил на него табурет с тонкими железны-

ми ножками и стал качаться на нем. Разлепив глаза Макс, увидел перед носом мохнатый рыжий зад.

«Вот ты и попалась!» – пронеслась в голове коварная мысль. Но словно что-то почуяв, тварина спрыгнула с кровати и исчезла в коридоре. Ругнувшись в пространство, Макс пошел собираться. Душ взбодрил его лишь чуть-чуть, а вот клочки рыжей шерсти на джинсах и обсосанные туфли взбудри куда сильнее. Из квартиры Макс выскочил с твердым намерением избавиться от Ленкиного подарка сегодня же.

С Алькой он встретился во дворе, она сидела на лавочке с пакетом из ветмагазина и безучастно ковыряла хлебный кирпичик.

– Ленка за ней не приедет? – поинтересовался он, усаживаясь рядом.

– За ним, – вздохнула Алька и, уткнувшись лбом в плечо Макса, прошептала. – Давай оставим, а?

– Он линяет.

– Я все почищу!

– Перевернул все на кухне.

– Я уберу!

– Нассал мне в туфли!

– Э, купим новые?

– А еще он скоро начнет все метить!

– Кастрируем!

Алька так легко предложила это, что Макса передернуло.

Внизу живота что-то поджалось, не иначе сочувствие к коту:

– Нет, кастрировать не дам, мужик он или нет?

Алька смешно хрюкнула ему в подмышку, стало вдруг тепло и правильно, что ли. Макс заметил на джинсах пропущенный им клочок солнечной шерсти и улыбнулся.

Магический реализм

Проводник

– У нас убийство.

Я вздохнул. А когда у нас было что-то другое, в убойном-то? Шеф не стал мариновать меня театральными паузами просто кивнул на папку передо мной.

На первом же листе была распечатка фотографии. Хреновое качество, значит, жмур не местный. Ждёт меня дорога

дальняя...

Барнаульский пирон встретил меня неласково: вялая вокзальная суета, скучающие таксисты и ни следа моих встречающих. Я бы мог добраться и сам, но меня предупредили ещё в Москве: ехать хрен знает, куда и хрен знает зачем. Жмур есть, а дела вроде как нет.

В алтайских горах в последнее время начался археологический бум. Чёрные копатели из братских Китая, Монголии и Казахстана старались всюду, а у советской, то есть, теперь у Российской науки денег на экспедиции не было. Нынешний великий вождь предложил совместный проект с американским институтом. Доллары ещё не успели затеряться в кабинетах Академии Наук, а первая экспедиция уже рванула в горный Алтай.

Да вот незадача, один из сопровождающих экспортных учёных скончался во цвете лет. Наши поспешили предложить помощь в расследовании, но иностранцы вежливо отказались.

Вот и получается американское тело, одна штука, есть, а уголовного дела нет.

Начальник у меня не дурак, умеет держать нос по ветру. Понимает, старый чекист, что информация лишней не бывает. Командировку мне состряпали за сутки. Теперь я официально еду обеспечивать охрану нашим светилам на месте раскопок, а не официально – узнать: кого пришили, за что

пришили и кого благодарить за это богоугодное дело.

Я покрутил последнюю сигарету между пальцев, сунул в рот и подкурил. Если никто не подойдёт, пока курю, попробую добраться сам.

– Денис Владимирович?

Вопрос был задан та-а-аким голосом, что будь я не Денисом Владимировичем, всё равно бы среагировал.

Я обернулся в предвкушении и чуть не выронил сигарету. За спиной стояли двое: мужчина, со щедрой примесью азиатской крови и женщина. С первого взгляда я понял, что пропал. Высокая, метр семьдесят с небольшим, стройная и напряжённая, как копё. В её лице сошлись два мира утонченный Восток и резкий Запад: широкие скулы, тонкий прямой нос и ярко синие «северные» глаза.

Капюшон куртки скрывал её волосы, но я почему-то был уверен, что они чёрные, как ночь, длинные и гладкие.

Чёрт, я, кажется, уже видел её, в передаче «Очевидное и Невероятное». Какой-то чудик недавно рисовал портрет, похитившей его инопланетянки.

– Э, да? – меня, по ощущениям, только что тоже того, похитили...

– Извините, что заставили вас ждать, – заговорил азиат. – Я участковый села Кош-Агач. Зовут Сенчек, можно просто Сеня.

Сеня, так Сеня, кивнул я. Больше всего меня интересовала она.

– Это Ратмира, – я удостоился царственного кивка, – наш проводник.

Из местных, значит.

– А просто Мира, можно? – игриво поинтересовался я.

– Нет.

Я не обиделся. Я, как debil, счастливо улыбался.

Сеня поспешил сгладить неловкость:

– Мы на машине. Ехать часов пять. Можем выдвинуться прямо сейчас, а можем заскочить перекусить. Так куда?

Здоровый аппетит всегда пагубно влиял на мою работоспособность. Но два с половиной дня в плацкарте, наполненном доверху запахом несвежих носков и варёных яиц, напроць отбили у меня желание есть. Ближайшие сутки точно.

– Мне бы пару бутылок водки и в морг.

Сеня споткнулся, а Ратмира удостоила меня ещё одним взглядом, на этот раз было в нём что-то такое... ммм.

***

– Не положено, – настаивал не очень трезвый медбрат.

– Конечно, конечно, – согласился с ним я, протягивая вторую бутылку «Немирова».

Сеня скривился, но промолчал. Спонсором взятки был он. В магазине я хотел расплатиться сам, но восточное гостеприимство не позволило Сене остаться безучастным. Его рожка сейчас, была достойным вознаграждением мне за тонну пренебрежения, с которой он вручил мне эти две бутылки водки.

Медбрат сдался и уже через пять минут предъявил нам тело.

– И вещи, будь любезен.

Пока он пыхтел в подсобке, я с интересом рассматривал экспортного жмура.

– Отчего его так? – скривился Сеня.

Я пожал плечами, хотя ответ был мне известен. Судя по всему, сердце не выдержало, ничего криминального. Хоть и странно, мужик ещё достаточно молодой, чуть за сорок...

– От страха, прости его Господи, – пробурчало над самым ухом.

– Да ты охренел, так подкрадываться?

Я демонстративно схватился за сердце. Медбрат хохотнул.

– Ничё с тобой не будет. Ты ж местный, а он...

– А он?

– А он шпиён! Вот его шаманы и того.

– Чего ты мелишь-то? – мелкий Сеня попытался воинственно боднуть грудью внушительный живот медбрата. – Много ты о шаманах знаешь!

– Немного, – беззлобно согласился великан, – Но у него в кулаке было золотое перо, а во рту лежала фигурка грифона. О!

Я проигнорировал многозначительно оттопыренный палец и зарылся в коробку с вещами:

– И где это всё?

– Нету...

Как выяснилось, сам великан этого не видел. Но водила, который вместе с импортными, тело привёз всё рассказал: и про перо в кулаке, и как, перекошенную от страха рожу, пытались пригладить, и как зубы клещами пытались разжать, чтобы вытащить шаманский подарок.

***

УАЗик трясло и подбрасывало. Нормальная дорога закончилась ещё в Горно-Алтайске, грунтовка до села под июньскими дождями размокла, а по плато дорогу вообще забыли проложить. Мы с Сеней азартно подсакивали на ухабах, незаметно сколупывая ту грязь, что сама от скачки не отвалилась. Пару часов назад нам пришлось выталкивать машину из колеи, пока Ратмира была за рулём, вот и уделались.

По ощущениям мы проехали куда больше пяти часов, но я мужественно молчал. Во-первых, был под впечатлением от рассказа медбрата, а во-вторых, оттого что наконец увидел мою красавицу без куртки.

Когда мы застряли, ей пришлось пересесть на водительское, там-то она и сняла балахон и осталась в одной футболке. Все мечты о черной роскоши волос разбились о суровую реальность. Ратмира была лысой, и ей это странным образом шло. К тому же её руки покрывали татуировки с каким-то этническим мотивом. Затеяливый рисунок обхватывал предплечье и уходил дальше под футболку, и только возле уха можно было рассмотреть что-то похожее на кры-

латую лошадь. Стремительно наступающая ночь помешала рассмотреть детали. Да и приглядываться к моей красавице без её разрешения, судя по хорошо развитой мускулатуре, было чревато.

– Так, что там с шаманами?

– А-а, шаманы тут ни причём. Я сам потомственный шаман.

– Это можно записать, как признание?

Мой сарказм был проигнорирован с поистине азиатским спокойствием.

– В наших костюмах есть перья сов. Обычных, пятнистых. Как ты себе представляешь золотую сову?

– Ладно, а что с грифоном?

В этот раз ответила Ратмира. Её волшебный голос, тягучий, с лёгким незнакомым акцентом гипнотизировал меня, так бы и слушал всю жизнь.

– Грифон – это страж между мирами. Наши предки использовали эти фигурки в ритуале погребения.

Символично, если учесть, где и при каких обстоятельствах её нашли.

– Ценные? – я пытался понять, в чём интерес амеров.

Она верно истолковала мой вопрос, изящно пожав плечами, пояснила:

– Они деревянные, примерно вот такого размера, – я заморожено следил за тонкими пальцами, застывшими на расстоянии пары сантиметров друг от друга. – Сверху слой зо-

лотой фольги.

– С экономической точки зрения, их ценность невысока. С точки зрения истории, не настолько чтобы убивать. В каждом скифском кургане их предостаточно, – влез Сеня, явно намекая на чёрный рынок древностей.

Я вспомнил, как один делец из Сербии продал на международном аукционе чёрного кота за несколько миллионов. Усатый якобы принадлежал самой Ванге. Ведьмы и колдуны всего мира передрались за котейку. Чуть позже этот же парень продал ещё пару котов, чуть дешевле, не таких чёрных, но столь же волшебных.

– А ритуальная ценность?

На этот раз Ратмира думала чуть дольше.

– Грифон провожает только достойных.

– Значит, инсценировка.

Вряд ли шаман был настолько добр к американцу, чтобы желать ему счастливого пути в иной мир.

– Но зачем? – слишком натурально, на мой взгляд, удивился Сеня.

– Например, – я неопределённо махнул рукой и предположил первое, что пришло в голову, – чтобы отпугнуть?

Ратмира наградила меня долгим оценивающим взглядом:

– Возможно.

– Да и шпиёнскую версию не стоит отвергать. Тот тип не очень походил на учёного.

– Он воин, – уверенно кивнула она. – Приехали.

***

– Жанна Игоревна, а если серьёзно?

Аппетитная грудь качнулась в печальном вздохе. Я напомнил себе, что передо мной профессор. Член, мать её, Академии Наук. Красивая, около пятидесяти. Мне всегда нравились женщины умеющие наслаждаться своим возрастом. А эта ещё и умная, хоть и пытается изображать тут грудастую аспирантку.

– Серьёзно? Вы что-нибудь слышали о Беловодье?

– Нет.

– Шамбала? Рерих?

– Я мент. Очень хороший мент.

Она не стала дальше демонстрировать свой интеллект, за что я был ей искренне благодарен.

– Существует легенда, – чуть понизила голос профессор. – Якобы дружина одного из князей нашла дорогу в загадочную страну. И так в ней было ладно и справедливо всё устроено, что они решили там остаться. Только один воин вернулся.

– Угу, о присяге вспомнил, – проворчал я.

– Вернулся он с великим даром, – продолжил Ратмира, и Жанна Игоревна восприняла её вмешательство, как нечто само собой разумеющееся. Странно. – Это великий Грифон, который должен был хранить Русь от хаоса.

У меня по истории был трояк. Но то, что я помнил трудно описать более ёмким словом, чем «хаос»: восстания, смутные времена и перевороты.

– Так себе дар. Не очень-то справился...

Острый кулачок обрушился на стол. Ей-богу, вдали слышался удар грома. Я чуток струхнул.

– Прости, Ратмира. Но с учётом всего того, что пришлось Руси-Матушке пережить...

– Ты прав. Но сколько бы страну не ломали, победить, так и не смогли. Согласен?

Я кивнул, в её словах была доля правды.

– И где теперь этот дар?

Жанна Игоревна переглянулась с моей красавицей. Ратмира чуть заметно кивнула. Профессор совещается с *простым* проводником, ну-ну.

– По легенде великий грифон ушёл в землю, чтобы беречь её.

– Ага, а теперь амеры собираются его выкопать?

Жанна кивнула.

– Так, – наручники брякнули об стол. – Если вы всерьёз во всё это верите, тогда я знаю кто убийца.

– Ох, Денис, – Жанна сняла очки и протёрла усталые глаза, начисто игнорируя постороннюю деталь у себя на столе. Железная женщина! – Против нашей страны ведётся война. Долгая и страшная. Неважно как её называют: СССР, Русь или Российская Империя...

– Федерация, – блеснул я.

– Если Грифона откапают и вывезут. Русь разорвут на куски. Понимаешь? По договору всё, что найдут наши... колле-

ги, будет выставляться в их музеях. Всё что найдём мы – в наших. Моя цель не дать им забрать Грифона.

– И выкопать первой? – не унимался я.

Узкая ладонь опустилась на моё плечо, я вздрогнул.

– Страж – дитя другого мира, он не может долго находиться среди живых. Катастроф не избежать в любом случае, главное, дать возможность стране возродиться.

Я отстранённо наблюдал, как моя рука взяла наручники и спрятала их в карман. Потом я услышал собственный голос:

– Вы уже знаете, где Грифон?

– Да, – Сеня впервые за весь разговор взял слово. – Наша с тобой задача – отвлечь импортных друзей.

***

Ночь раскрасилась фейерверками. Пришлые забеспокоились. Забегали. Чёрные копатели, трудившиеся неподалёку, стухнули. Кто-то сдуру пальнул. Мы с Сеней ответили. И сразу же залегли. Американские учёные ответили дружным залпом. Не знаю, какие из них учёные, но ушли мы тогда чудом. Если бы не гроза, остались там.

Гоняли нас удивительно организовано. В лагерь мы попали только утром: мокрые, грязные и голодные. Ратмиры нигде не было. Наверное, на раскопках. Но сердце дрогнуло, после безумной ночи хотелось увидеть её и обнять. Хотя на последнее я не очень то надеялся. Но ничего, времени у нас ещё вагон.

Встречала нас Жанна Игоревна с бутербродами.

– Ну, фто? – кусок бутера с трудом пропихнулся внутрь.

– Получилось! В кургане, под захоронением обычного воина мы наткнулись на лёд... Мы нашли Грифона!

– Покажите!

Мне не терпелось увидеть то, ради чего я рисковал карьерой и жизнью.

Я смотрел на иссохшее тело. Жанна что-то увлечённо шептала о ковчеге из лиственницы, куске льда и ценности для страны. Сеня молча сжимал мой локоть. А я медленно умираю, глядя на татуировки покрывающие руки мумии и маленького крылатого зверя, притаившегося за её ухом.

Грифон. Страж миров. Моя принцесса.

Но в историю она войдёт под другим именем.

1993 г. Горный Алтай. Плато Укок.

Флешка

– Она бы мне дала? – Корж задумчиво жевал соломинку, старательно разглядывая облака.

Предмет разговора растянулся немного правее, подставив тёплому майскому солнышку длинные бледные ноги под закатанными штанинами спецовки.

– Тебе не знаю. Но чтобы сюда попасть, она точно кому-то дала... – Седой ткнул пальцем вверх.

– Разговорчики, – парни вяло мне кивнули и сменили тему.

Девочка потянулась и перевернулась на живот. Стало только хуже.

В половую версию я не верил. Скорее в родственные связи. Как ещё продвинуть по службе барышню с туманной профессией "специалист по информации"? Только пропихнуть её в какую-нибудь спецоперацию. Жаль, что операция эта была моей.

Неделю назад, когда Казак сообщил мне о гражданской в группе я сильно расстроился. Зачем мне лишний человек, если всего-то и нужно встретить курьера в горах и изъять у него информацию об одной молодой, но очень амбициозной группировке. В первый раз, что ли?

Казак что-то говорил о специфичности носителя, на котором вся эта информация была записана. Но говорил он как-то не очень уверенно и расплывчато, видимо, сам толком ничего не знал. А вот приказ на девочку спустили с самого вер-

ха.

– Руки к ней не тянуть, шутки с ней не шутить, – тут Казак скривился, видать понял, что обычное задание на глазах превращается невыполнимое.

Вся операция требовала пересмотра, если сначала нам хватало пять дней на всё, то теперь следовало учитывать балласт. Не знаю, есть ли у неё хоть какая-то подготовка, кроме спортзала. Фитнес слабый помощник в марш-броске по горам. Да и не представляю, как можно пятерых мужиков удержать не шутить о бабе, если она, баба эта, будет всё время маячить рядом. Парни мои с хорошим чувством юмора, а тут объект шуток и цензура в одном лице.

Я ошибался. Чувство юмора парней было неглавной моей проблемой. Знакомство с гражданской произошло перед вылетом. Отсвечивая новенькой спецовкой, в самолёт вошла Марина Анатольевна. Слишком длинно для барышни, которой нет и двадцати пяти. К бюсту аппетитного размера в комплекте шли пара модельных ног и чёрные ведьмовские глаза. Не иначе в роду цыгане потоптались. Мда.#

За три дня её форма уже не казалась такой уж новой. Горы не щадили никого. Да и я постарался. Первые два дня заставил топтать в повышенном темпе. Девочка валилась с ног на привалах, но молчала. На второй день уже парни смотрели на меня с укором. Да и смысла не было бежать, мы и так шли с опережением. Назавтра мы вернулись к нормальному темпу. Все немного расслабились, девочка решила позагорать, а

парни... Лучше бы они шутили, ей-богу!

На заданную точку мы вышли в четыре вечера. Курьер должен был появиться или этой ночью ближе к рассвету, или следующей. Сюрпризы начались, когда я распределял дежурства:

– И меня запишите.

У меня видимо что-то случилось с лицом, парни синхронно закашляли. А Седой изобразил пантомимой что-то вроде "жили-жили, бац, усрались!".

– Вам нужно какое-то определённое время или конкретный напарник?

Девочка резко зарумянилась, намёк поняла и, судя повсему, запомнила.

– Во все смены, пожалуйста. Вот.

Она достала из внутреннего кармана конверт. Мелькнула ведомственная печать. Кашель у парней волшебным образом прошёл. Седой беззвучно сплюнул.

Так что там у нас: "...оказывать уважение". Ага. Прямо вот только что оказал. Да.

"Максимальное содействие" и отдельной строкой контроль за прибытием курьера "...в целях минимизации повреждений носителю".

Шах и мат.

Я заступил в два. Марина Анатольевна бессовестно дрыхла, привалившись к камню спиной. Корж беззвучно хмыкнул, просигналил бровями и пошёл досыпать. Я устроился

поудобнее, обозрел окрестности в ПНВ и мельком мазнул по девчонке. Она не спала.

Просто сидела.

Неподвижно.

И смотрела. На меня.

***

– Идёт, – секунда, и я клянусь, ударил бы на звук.

За час совместного дежурства я почти привык к её молчаливому присутствию. И не ожидал, что она может так тихо подкрадываться.

– Там, – она коротко указала рукой в нужном направлении.

Сначала я ничего не увидел, но возражать или отмахиваться от девчонки не стал. Её тёплое дыхание на шее резко контрастировало с майской ночью. Скорее бодрило, чем отвлекало. Может быть, поэтому мне и удалось рассмотреть движение. Человек, одна штука в метрах тридцати на склоне.

– Только по голове не бейте, – шёпотом напутствовала нас Марина. – Он должен быть в сознании.

Ну ок, будет, красавица, тебе гостинец. В сознании.

Гостинец сопротивлялся подозрительно недолго. Пришлось отправить двоих, проверить нет ли сопровождения. Наша Марина нервно мерила лагерь, но бросила это дело, едва завидев курьера.

Следующие десять минут я соображал, как в рапорте отразить то, что видел. Я реалист, всё паранормальное, по мо-

ему мнению, хорошо отрепетированная постановка одного человека для другого. Но тут...

Лицо мужика обмякло, засветились странной дымкой, а потом нечто серебристой струйкой потянулось к Марине. Куда именно мешали рассмотреть распущенные волосы. Флешка, твою мать!

Хорошо, что все мои были при деле. В том, что мне, скорее всего, не поверят, я не сомневался. Сомневался, останусь ли вообще на службе после этого.

– Шах, – из темноты вынырнул Седой. Я обернулся, за-слоня собой Марину. – Там ещё человек двадцать.

– Далеко?

– В паре километров.

Хреново. Главная задача для группы, как я понял, доставить специалиста по информации (придумали же!) в целостности и сохранности.

– Марина, уходим!

– Всё, – она встала, пошатнулась, её глаза на мгновение сверкнули серебром. – Этот нам больше не нужен.

Я и так это видел. Мужик все ещё расслабленно рассматривал ночное небо, только тёмная струйка из носа намекала на то, что ему сильно нехорошо.

– Ты видел? – шепнул Седой.

– Показалось, – уверенно ответил я.

***

Следующие три часа мы неслись по горам, как одноимён-

ные козлы. Ночью это то ещё удовольствие. Вертушки мы вызвали ещё в лагере, но забрать нас смогут только на расвете. По дороге я заметил, что наш гражданский специалист поломался. Она то и дело спотыкалась, после того как упала и чуть не скатилась со склона, пришлось тащить её на себе по очереди. Естественно, темп наш упал.

– Седой, Корж надо пошуметь. Без фанатизма.

– Есть.

Оба скрылись в предрасветном тумане.

Догнали нас недалеко от места встречи. Очередь прошла над головой. Марина куклой скатилась с моего плеча. Мы залегли и сразу ответили. Слева нас поддержал пулемёт Седого. Я сменил магазин и сверился с часами. Столько мы не продержимся.

– Минута, – шепнула Марина и улыбнулась.

А потом я услышал рёв винта.

***

Мои парни по очереди проходили инструктаж, а заодно давали подписку. Я зашёл последним. В комнате она была одна.

– Ну вот и всё, – по губам мазнула улыбка.

– Да, – мне что-то сразу стало нечем дышать. – Мы ещё встретимся?

– Нет. Больше трёх раз я ни с кем не работаю. Это вредно.

– Трёх? Мы уже встречались?

Она печально улыбнулась, а потом её глаза засветились се-

ребром. Я почувствовал, как что-то горячее стекает по подбородку, а потом наступила темнота...

Серый, Вовчик и Русалка

Вовчик просматривал сообщения, время от времени проверяя обстановку. Зоя монотонно бухтела возле очередного аквариума. Одноклассники активно скучали. Чтобы усилить восприятие новых знаний, училка ещё в холле океанариума отобрала у них телефоны. Ну, это она так думала. Руку дёрнул вибросигнал. #

«Как русалка? Сиськи есть?»

«Ещё не видел».

– Свиридов! Что вы там разглядываете? – Зоя иронично изогнула бровь.

Тело действовало на рефлексах. Секунда и вот телефон уже в рукаве. Жаль, мозг не мог похвастаться такой же реакцией. Пока Вовчик искал ответ, Зоя хищно двинулась в его сторону. Ученики расступались перед ней, как мелкие рыбёшки перед голодной акулой. Ухо и компания скалились в ожидании развлечения. Экскурсия слишком сильно затянулась.

Единственное, на что стоило посмотреть – Зоя благоразумно оставила на конец урока. Русалку к ним в город привезли только на неделю, а сегодня последний день. Вот они и уговорили училку провести урок в океанариуме. Не то, что им это было действительно интересно. Подумаешь, русалка! Столько фотографий в сети... Просто выбор между шестью

уроками в школе и поездкой в океанариум – очевиден.

Зоя уже была в паре метров от него, как её отвлѣк голос Леночки:

– Зоя Германовна, а русалки к какому виду относятся?#

Акула остановилась. Проигнорировать вопрос лучшей ученицы Зоя не могла. Поджав и без того тонкие губы, учительница процедила:

– Класс морских млекопитающих, семейство гоминид. Русалки мало изучены, несмотря на то, что человечество знакомо с ними уже несколько тысяч лет.

– Ооо.

– Да. Принято относить их к «вернувшимся». Кто ответит, что это значит? Свиридов!

Вовчик вздрогнул, но быстро собравшись с мыслями, выдал:

– Это те млекопитающие, которые сначала вышли из воды, а потом вернулись обратно. Например, киты.

– Молодец, – и уже тише. – Ещё раз возьмѣшься за телефон, обеспечу докладами до конца года. Понял?

Вовчик кивнул.

– А они разумны?

– Спорный вопрос, – Зоя обернулась. – Нет, так называемых, признаков разумности, кроме невероятного сходства с человеком. Как общаются – непонятно. Материальной культуры: жилья, утвари, украшений не обнаружено. Те же дельфины общаются между собой, дают друг другу имена, а у ру-

салок подобного нет

– Несогласен, – к ним незаметно подошёл один из сотрудников океанариума.

– Простите? – резко вскинулась Зоя.

– Беги чувак, – прошептал Вовчик. Леночка рядом хмыкнула.#

Но незнакомец его не слышал. Приветливо улыбаясь, он двинулся навстречу к Зое. Правда, на полпути улыбка померкла. Его рука нервно ухватила за предмет на длинной цепочке, что-то похожее на ключ. Мужик так вцепился в него, что костяшки побелели. Нервничает. Вовчик понятно ухмыльнулся, Зою в школе боялись все. Директор при встрече с ней очень похоже хватался за телефон. Типа важный звонок, не может с ней поговорить.

– Я Тренер, – сообщил он. – Много времени провожу с русалкой и считаю её намного разумнее дельфинов.

– О! Жаль, что союз Чарлинза не разделяет вашего мнения!

Дальше можно было не слушать, Зоя нашла новую жертву. Вовчик вернулся к телефону. Из сети его выдернул тычок в бок.

– Не спи!

Вовчик поднял глаза, перед ним мелькнула спина Леночки. Остальные уже были возле дверей в другой зал. Впереди всех шли Зоя и тот мужик. Похоже, они поладили. По крайней мере, Зоя увлечённо что-то ему втирала, а он не пытался

сбежать.

Новый зал был намного меньше предыдущих; низкий и вытянутый. Похоже на галерею, стены и потолок, который был дном огромного аквариума. Стоять здесь можно было только тесной кучкой.

– Русалка!

– Где?

Вовчик оглянулся, но сквозь стекло кроме воды и рельефа дна больше ничего не было видно.

– Дети, – по толпе пронеслось несогласное «у-у». Тренеру пришлось поднять голос, чтобы быть услышанным. – Русалка здесь. Вы её не видите потому, что её кожа покрыта мелкими чешуйками...

– Фу! – это кто-то из девчонок.

– ...которые отражают свет, делая её невидимой. Но! Эффект исчезает, стоит ей только пошевелиться.

Вокруг послышалась недовольные высказывания.

– А может и нет никакой русалки, а вы тут просто бабло стрижёте? – выкрикнул Ухо.

Вовчик был с ним согласен: эта поездка съела половину материного пособия и все ради чего? Посмотреть на «невидимую русалку»?

– Ушанов! Следите за языком! – Зоя покрылась красными пятнами.

Тренер примирительно поднял руки:

– Вам повезло, подошло время кормления. Я сейчас спу-

щусь к ней, переведу в другой бассейн. У вас будет минут пять, чтобы понаблюдать. На всякий случай отойдите от стен, она может быть рядом.

Осознание того, что невидимая русалка сейчас где-то рядом, рассматривает его рыбьими глазами, холодком мазнуло по затылку. Через десять минут в аквариуме появился Тренер в водолажном костюме. Он помахал рукой, привлекая внимание, и указал им за спины. Громкий вздох прокатился по галерее. Секунду все молчали, но потом голос вернулся, одновременно ко всем. Русалку обсуждали, показывали пальцами, хихикали. Зоя торопилась навести порядок и одновременно читала лекцию о морских гоминидах. Но Вовчик её не слышал, он просто смотрел. Сверху человек, снизу рыба – всё как на картинках. Вот только невозможно фотографией передать всю её чуждость.

– ...живут стаями. Дрессуре не поддаются, хотя некоторые идеалисты продолжают верить...

Красива ли она? Вовчик не знал ответа. Кожа сероватого цвета, тёмно-синие – с фиолетовым отливом волосы и брови. Глаза тёмные, точнее, разглядеть он их не смог. Нос прямой, с непривычно узкими ноздрями. В целом лицо можно было назвать человеческим... Вот только не бывает таких пустых и застывших лиц у людей. Рыба...

– ...дыхание жаберное. Без воды живут не больше получаса...

Взгляд русалки упёрся во что-то, видимое только ей. Кажалась, всё, что происходит вокруг – её не касается. И это пугало. Точно! Где-то он слышал такое выражение – «страшная красота». Из задумчивости выдернул громкий смех.

– Ушанов, держите при себе свои фантазии!

Ухо с дружками стучали по стеклу, показывая неприличные жесты, и корчили рожи. Обезьяны! Вовчику стало стыдно:

– Прекратите!

– А то что? – вскинулся Ушанов.

– Дебил русалку полюбил... – пропел один из его дружков.

– Молчать! Ушанов – тема доклада китообразные. Свиридов – морские гоминиды.

– Ну-у, Зоя Гермоновна-а...

– К следующему уроку!

Ухо что-то ещё клянчил, но учительница была непреклонна. Вовчик вернулся к русалке. Она по-прежнему безучастно смотрела перед собой. Лишь лёгкие движения хвоста говорили, что она реальна. Вот к ней подплыл Тренер. Коротким тонким прутом, слегка касаясь тела русалки, он показывал направление движения. Мгновение, и её взгляд изменился. Вовчик прилип к стеклу, пытаясь понять, что же привлекло её внимание. Русалка моргнула, человеческие эмоции исчезли, зато вернулось рыбе безразличие. Водолаз плавно повернулся, сверкнула металлом цепочка. Ключ! Русалка смотрела на ключ, как будто проверяя, на месте ли он...

– Интересно, какую дверь он открывает?

– Свиридов, что вы там бормочите?

– У Тренера был ключ, такой большой. От чего он, интересно?

– Ничего интересного. Обычный универсальный ключ от аквариумов и бассейнов. Не отвлекайтесь!

Пока ехал домой, думал о русалке. Вовчик не мог забыть её красоты – пугающей и притягательной одновременно. Он забыл обо всём: о вечной депрессии матери, о том, что в холодильнике опять пусто и нужно сообразить что-то себе на ужин. В этот раз он приготовил для двоих, вдруг запах пищи выманит мать из комнаты? И совершенно не расстроился, когда этого не случилось.

Мысли всё время крутились вокруг русалки. Неразумны? Да черта с два! Он видел её взгляд, так может смотреть только мыслящее, чувствующее существо. Вовчик был так возбуждён, хотелось поделиться своим открытием, жаль не с кем. Полночи он лазил в сети, в поисках информации о русалках. Вторую половину ему снилось море.

Вовчик плавал под водой. Он был не один. Вокруг кружились русалки. Много, обоих полов. Он старался рассмотреть их внимательнее. Нет, кожа у них не серая. Крупные на хвосте, и мелкие на лице голубоватые чешуйки полностью покрывали тела русалок. словно крошечные драгоценные камни, слегка поблескивая в солнечных лучах, чешуйки склады-

вались в неповторимый узор. Вовчик присмотрелся. Точно, вот как они узнают друг друга! Интересно, как же русалки общаются?

Вовчик открыл рот, чтобы спросить об этом, и тут же горькая морская вода хлынула внутрь. От неожиданности он закашлялся. Стало нечем дышать. Мышцы сковало от тяжести воды. Вовчик закричал и проснулся. Несколько минут он приходил в себя. Сердце колотилось где-то в районе горла. Пальцы мелко подрагивали. Вовчик провёл рукой по лицу. На ладони осталась вода. Лизнул, солёная.

К чему этот сон? Такое ощущение, что русалка прощалась с морем. Прощалась... ключ! Он нужен ей не для, того чтобы жить, а чтобы умереть. Она хочет выбраться из аквариума. Голос Зои прозвучал как приговор: «...без воды живут не больше получаса».

Вовчик мчался по улице. В голове билась одна-единственная мысль: «Нужно успеть...». Осталось сто метров, поворот и океанариум. Вовчик поднажал и со всего маха влетел в чью-то спину.

– Свиридов?

– Ухо?! А ты что здесь делаешь?

Сергей исподлобья глянул на Вовчика и чуть слышно признался:

– Мне снилось море...

Задний двор океанариума полностью занимали перевозчики. Кабина и кузов этих машин соединялись гофрированным переходом, как у трамваев. Рабочие суетливо носились по территории. Видимо, в поездку сегодня отправлялась не только русалка.

– Серый, что будем делать? – шёпотом спросил Вовчик.

Ухо пожал плечами, но потом вдруг напрягся и дёрнул его за руку:

– Смотри!

Широкие створки чёрного входа разъехались в стороны. В проёме показался погрузчик с высоким, узким аквариумом, наполовину скрытым тканью.

– Успели...

Вовчик, словно под гипнозом двинулся в сторону погрузчика.

– Ты куда, псих?

Ушанов зло сплюнул и кинулся за ним.

Как им удалось пробраться в кузов незамеченными, Вовчик не знал. Повезло, наверно. Внутри они спрятались за одним из ящиков. Рабочие справились быстро. Десять минут и вот грузовой отсек погрузился во тьму.

– И что дальше?

– Думаю, – огрызнулся Вовчик.

Машина фыркнула и завелась, тут же под потолком загорелся тусклый светильник. Скрипнуло сзади, перегородка

между отсеками поддалась. Переглянувшись, парни, нырнули за ящик с другой стороны и затаили дыхание. Судя по звуку, неизвестный направился к аквариуму и остановился. П слышался шелест ткани. Вовчик осторожно выглянул. Тренер стоял к ним спиной, чуть покачиваясь, и смотря сквозь стекло на русалку. Вот его рука потянулась к шее. Рывок, и цепочка порвалась.

– Я знаю, что ты задумала, – ключ скользнул из ладони и повис. Издевательски качнув им пару раз перед её лицом, прошептал. – Но мы ещё не закончили...

Серый рванул мимо Вовчика. Короткий замах, и лоб Тренера с треском встретился со стеклом. Вовчик от неожиданности впал в ступор.

– Чего стоишь? Помогай...

Связанного и оглушённого Тренера они спрятали за ящиками и накрыли тканью. Вовчик подошёл к аквариуму и поднял ключ. Русалка всё так же безразлично смотрела ему за спину. Казалось, всё, что случилось – её совершенно не трогает. Устала и решила умереть? Неужели не было другого выхода? Она была свободна среди родных, её любили. У него не так. Родители в разводе, мать с ним не общается уже три года. Что он только не пробовал, чтобы привлечь её внимание! Отец увлечённо строит отношения с молодой женой. Настолько увлечённо, что совершенно забыл о сыне... После окончания школы его ждёт или тяжёлая работа в доках, или тюрьма, как многих пацанов с района. О дальнейшей учё-

бе речь даже не идёт, не с материным пособием. Будущее? Сдохнуть бы... И нет никого, кто бы заметил его исчезновение. Вовчик зло ударил в стекло:

– Есть! – Он добился своего, русалка моргнула. Вздохнул и тише добавил – Всегда есть выход.

Водитель даже не обернулся на скрип перегородки. Вовчик скользнул к нему за спину, и с силой прижал ключ к шее:

– Не дёргайся!

– Эй, ты чё удумал?

Вовчик надавил чуть сильнее:

– Не твоё дело!

Серёга плюхнулся на сидение рядом и, сморщив комичную рожу, попросил:

– На развязке уходи к морю, пожа-а-алуйста...

– Надеюсь, парни, вы понимаете, что делаете, – вздохнул водила.

На развязке их грузовик отделился от остальных. Тут же ожила рация. Пока Вовчик соображал, Водитель включил приём:

– Нормально всё. Тренеру нужно зачем-то к морю.

Видимо, такой ответ удовлетворил любопытство на том конце. Пожелав Водителю счастливого пути, а Тренеру провалиться в пекло, собеседник дал отбой.

– Спасибо, – кивнул Сергей.

– Да не за что. Ты ерундовину-то от шеи уберёшь?

Вовчик стушевался, спрятал ключ и сел рядом с Серым.

Водитель хорошо знал побережье. Virtuозно проведя грузовик по бездорожью, подъехал прямо к воде. Парни тут же рванули открывать грузовой люк. В темноту кузова ворвался солнечный свет и разбросал блики на стены. Вовчик раскладывал сходни, они с брызгами легли прямо в воду. Вдруг Серый толкнул его вбок. Он обернулся, и сердце дало сбой. Русалка, прижавшись к стеклу, смотрела на море и улыбалась.

– А глаза-то у неё фиолетовые! – восторженно прошептал Вовчик.

– Ты на зубы посмотри...

Зубы у красавицы были небольшими, но попираньи острыми. Вовчика передёрнуло.

– Ладно, пора заканчивать...

***

Вовчик вышел из здания суда, и уселся на ступеньки. Через минуту рядом опустился Серый.

– Ты как? – после небольшой паузы спросил он.

– Нормально. Домашний арест на месяц. – Вовчик безразлично пожал плечами. Он не стал рассказывать о визите отца, который ворвался к ним в квартиру с криками «ты мне не сын». О вышедшей из своего убежища матери и их первом настоящем разговоре. О том, что уже месяц он не готовит сам себе ужин и не завтракает в одиночестве... – А ты?

– Отец дал подзатыльник и тоже запер на месяц. – Серый ковырнул носком ступеньку. Он не сказал о том, что слышал,

как после взбучки, батя хвастался в гаражах: «Настоящий мужик растёт».

Помолчали. Оба думали о море. Оно им по-прежнему ещё снится.

– А водила-то, каков? – улыбнулся Вовчик, вспоминая недавний суд.

– Да-а, кто бы мог подумать! – протянул Серёга, радуясь смене темы.

За нападение на Тренера и безвозвратную утерю государственного имущества им присудили огромный штраф. Даже разделив его, их семьям пришлось бы годами выплачивать. Но вдруг слово взял Водитель грузовика:

– По случаю первого в истории акта милосердия к морским гоминоидам, партия Зелёных берёт оплату штрафа на себя. – Водитель хитро подмигнул опешившим парням. – Молодые люди, а для вас найдётся место в нашем колледже. Такие решительные люди нам очень пригодятся...

«Выход есть всегда», – подумал Вовчик и крепко сжал ключ в ладони.

Еще один Новый год!

Символ года

19:10

– Привет, док. С наступающим.

– И тебя также. Что там у нас?

– Да вот, тыгыдымский Конь надрался русским самопа-
лом, напутал в китайском календаре и напал на Мышь.

Доктор бросил взгляд на коричневую плюшевую фигуру
Коня. Метр восемьдесят в холке, хоть и худой. Серая Мышка
ему была по плечо. В прыжке.

– Тут бы Мышке и конец, – продолжал дежурный, – но она
оказалась трезвенницей и вообще спортсменкой, со вторым
даном по карате. Притащила брыкающегося Коня в участок.

– Ах, какая женщина! – восхитился доктор. – И коня на
саку и в пылающую избу... А от меня что нужно-то?

– Конь, кажется, копыто поломал. Попытались снять ко-
стюм, для определения личности, так орёт как свинья.

– Не повезло Коню, – улыбнулся док, надевая перчатки.

– Не повезло мне, – хмыкнул дежурный, – эту херню
нужно теперь в протокол оформить. Опять Степаныч будет
орать, что мы все бухали в дежурке.

– Ну если, что маякуй – я подтверждаю...

– Да, снимите с меня эту голову, чёрт вас возьми! – приглушённо пискнула Мышь.

– Минуту, красавица, кавалерия уже прибыла! – ответил дежурный и чуть тише добавил. – Хотя кто её знает, может под маской Мышки крокодил какой прячется. У неё замок на костюме заклинил, похоже, волосами. Снять не можем, резать не даёт – говорит, костюм из проката. Может, что-нибудь сделаешь?

– Посмотрим, – подмигнул док. – Надеюсь, на этом ваши приключения и закончатся.

– Ох, док, твои слова, да богу в уши. – взгляд вернулся к поверженному Коню и приглушённо ругающейся Мыши. – Символ, мать его, года...

– Может, хоть раз встретите Новый год нормально?

22:00.

– Насилуют, на-си-лу-ют! – игриво верещала Снегурочка, висая на руке щуплого сержанта.

- Тихо гражданочка, а то Славика разбудишь...
- Что опять?! – резко перешёл на шёпот сержант.
- Да, вон, – кивок на изолятор.

Там на скамье в costume Деда Мороза отдыхал огромный двухметровый мужик.

- Ой! Дедушка! – взвизгнула Снегурка.

– Тсс! – хором зашипели полицейские.

Дежурный рассматривал Снегурочку. Голубенькая шубка заканчивалась так и не успев начаться. Вид длинных ног в капронках и лёгких сапожках на острых каблучках вызывал дрожь.

Дежурный бросил взгляд в окно, ветер ожесточённо лупил пластиковым корпусом градусника о стекло. -18.

– Теперь у нас полный комплект, – пробормотал он чуть слышно. – Что у тебя, Сережа?

– Сереееежа, – игриво протянула Снегурка и громко расхохоталась.

В изоляторе завозилось что-то большое. Железная скамья жалобно скрипнула.

– Рааааабыыы! – хрипло проорал Дедушка, потом закашлялся, подивившись искусственной бородой, и с треском уронил голову на скамью.

– Ух, какой мужчинка! – восхитились Снегурочка, выписывая к изолятору.

– Куда? Это ж Славик! Он буйный! Пока не протрезвеет лучше не подходить.

Снегурка легко сменила траекторию и плюхнулись на лавку в коридоре.

– Серёж, как оформляем?

– Воровство...

– Я не воровка! – голос опять сорвался на визг. – А клептоманка, это болезнь! В Европе...

Что она ещё хотела сказать, так и осталось неизвестным:

– Раааабыыы! Пропили Россиюуу! – Дед, вцепившись в решётку, пытался её грызть. Выплёвывая куски краски и, как надеялся дежурный, зубов продолжал надрывать: – Раааабыыы!

Сержант наклонился к уху дежурного:

– Прямо с корпоратива везём. Обошла почти пятьдесят человек, взяли на выходе.

– С поличным – это хорошо...

– Раааабыыы!..

– Ладно, пусть сидит здесь, пока я её оформляю. Заявления есть?

– Ага, сейчас...

– Раааабыыы!!!

Сержант зарылся в планшетку. Дежурный открыл журнал. Славик не унимался, но воспринимался уже как фон. Вспышка телефона разрушила идиллию.

Снегурка в розовых мохнатых наручниках, пристёгнутыми к батарее, азартно щёлкала себя на телефон.

– Эй, ты что делаешь? – Сергей выхватил мобилку.

– Это произвол! – она прогремела рукой в наручниках и доверительно сообщила: – Я так и запостила.

– Вот же дур...

– Гражданочка отдайте ключ, – мягко попросил дежурный, ещё не хватало жалобы в новом году от этой... клептоманки.

Спорщики резко заткнулись, даже пёс присел от мощного рыка.

– Твою ж мать! – обречённо выругался дежурный, прикрывая глаза.

– Ой, собачка! – сонно пискнула Снегурочка.

Щенок в поисках защиты прижался к её коленкам.

– Раааабыыы!

– Гав-гав-гав!! – поддержал его пёс и приступил к кадке.

Дежурный дождался, когда у Славика кончится воздух и быстро проговорил:

– Я приму ваше заявление, садитесь и пишите, – он протянул ручку и листок скандальному мужику.

– Я тоже хоте...

– Раааабыыы!!!

– Гав-гав-гав!!!

Хозяин собаки поморщился и взял ещё одну ручку у дежурного.

Поздравление президента из приёмника разбавился визгом Клептоманочки.

– Фууу!!

– Ключи! – обрадовался скандалист.

– Раааабыыы!!! – согласился с ним Славик.

– С Новым годом, – безнадёжно пробормотал сержант.

«Зря Мышку обидели», подумал дежурный глядя на то, как у ног Снегурочки под бой курантов рвёт щенка непереваренным фикусом и кусками линолеума.

Ирония судьбы...

Старый заглянул в окно. Обзор заслоняла спина какой-то блондинки, две другие, удивительно похожие друг на друга, сноровисто упаковывали Деда в мохнатые наручники. Он брыкался и вяло матерился. Время от времени истеричные вопли прорывались сквозь метель:

– Я тебя, сука, просила сиськи побольше, а ты?

Ответа Деда Старый не разобрал, зато женский рык был слышен даже у соседей-полярников:

– Б..ь, размер, а не количество!

Старый хмыкнул. Живая фантазия нарисовала лифчик с тремя чашками. Больная её часть – сделала их разного размера.

– ...оливье полную жопу... Липпа, тащи тазик...

Неприятный чавкающий звук, заглушил привычный шум борьбы. Старый брезгливо поморщился и отвернулся.

Подмораживало. Диско задумчиво почесал рогом бок:

– Вмешаемся? – без особого энтузиазма поинтересовался он. – А то у нас все шансы остаться без работы.

Умник оттеснил Старого от окна:

– Не ссы, – хмыкнул он. – Думаешь, эти первые?

Старый отошёл от окна. Работы вагон. Нужно сани проверить, что-то в последнее время на повороте закладывают и против ветра плохо тянут.

– ... я просила, чтобы Ипполит меня понимал... а ты его в БАБУ!!! Верни мне мужа!

– Да! – вторил ей неприятный фальцет. – Верни меня жене! Я ж тебя ваще ни о чём не просил – я бухал с 8-ми утра...

Да, бедный Ипполит! В этот раз Дед начудил...

Умник с Диско всё ещё пихались жопами у подоконника, как будто им делать больше нечего! А у него, у Старого, успевай только разгрести: и сани барахлят, и новый олень в команде и шеф – скучающий маразматик!

– За что его? – донёсся до него любопытный голос Диско.

– За пьянку, – пояснил Умник. – Весь год не просыхает...

– Ага, – пыхнул из саней сигарой Казанова, – а мы потом носимся, как олени, то адресом ошибся, то доставкой...

Высокий визг оборвал разговор. У окна Старому пришлось побороться.

Епст!!!

Большая часть бороды ещё произрастала на месте, другую же, с гиканьем крутила над головой молодая блондинка с двойным рядом молочных желёз. Судя по тому, как энергично разогревали в руках восковые полоски две другие – Деду грозит полная и беспощадная эпиляция.

– Так, пусть бороду уже поровняют, а потом вытаскиваем его ребята...

Как встретишь, так и проведёшь...

Новый год я предпочитаю отмечать дома с родителями. Этот год у них юбилейный, поэтому 28-го они улетели наряжать пальму. Я же осталась на хозяйстве.

Единственное, что меня парило в предстоящем праздновании – одиночество. Как встретишь Новый год, так и проведёшь...

С парнем я неделю как рассталась, поэтому 30-го пришлось срочно обзванивать подруг. У всех были планы, кроме одной. Лена, как и я недавно расплевалась со своим кавалером. Подробности не знаю. Говорят, он ей изменил – коозел!

Ленка обосновалась у меня с утра. Сначала мы устроили грандиозную уборку, потом не менее грандиозную попойку. Ясен пень, все разговоры о мужекозлах. В перерывах мы устраивали музыкальные паузы. Ваенга старалась. Соседи терпели.

После того как Ленка в очередной раз проорала с балкона: «Мужики-козлы, горите все в аду!». Соседи робко пообещали вызвать полицию. Около девяти вечера мы проголодались, да и последняя бутылка красного щедро обагрила пол в зале. Нужно было идти в магазин. Ленка моего района не знала, поэтому и осталась в квартире. На дело я пошла одна.

Через полчаса, скупившись в местной забегаловке, я ча-

пала домой. Лифт в моём доме не предусматривался, путь наверх был тернист и труден. Приходилось останавливаться через каждые два пролёта. В очередной раз, привалившись на пакетиках, я услышала голоса:

– ...сатанисты, наверное, кошку режут, ругаются срамно и, – тут женский голос перешёл на трагический шёпот, – богохульствуют!

– Хорошо, сигнал принял. Я поднимусь и посмотрю, а вы идите, гражданочка, отдыхайте...

Мне стало любопытно, но не настолько, чтобы бежать с пакетами прямо сейчас.

Я, пожалуй, ещё посижу.

Минут через пять я, наконец, осилила оставшиеся пару десятков ступеней. Возле моей двери стоял парень по форме и прислушивался. Я подошла и тоже приложила ухо к двери:

– Что слышно?

Он дёрнулся, одной рукой схватился за сердце, другой за кобуру.

Рассмотрев меня получше и поверив в мою безобидность, он признался, что поступил вызов на каких-то сатанистов, которые устроили дебош в моей квартире.

– Не может быть!

Сатанисты?

Там же Ленка, одна! Я в нетерпении толкнула дверь, она с тихим скрипом открылась. Мой спутник изменился в лице.

Чёрт, забыла захлопнуть. Пока я думала о том, как я могла

так тупануть, он достал пистолет и приказал мне оставаться снаружи.

Обалдев от такой наглости, я пропустила тот момент, когда он скользнул внутрь. С запозданием я последовала за ним. Квартира меня встретила такой же, как я её и покинула: неровный свет свечей, гирлянды из порезанных фоток наших с Ленкой «бывших», и Ваенга в магнитофоне. Звук, правда, почти на минимуме.

Полицейский заглянул в зал, сделал пару шагов, потом опустился на колени.

Трясущимися пальцами он слегка тронул лужу на полу.

– Что там? – тихо спросила я.

Парень выдал нечто неуставное и шёпотом поинтересовался, кто меня сюда принёс. Ответить я не успела. Громко щёлкнула щеколда на двери санузла. Полицейский спрятал меня к себе за спину и направил пистолет на выходящего.

Я ждала кого угодно, но только не Ленку. В чёрном шелковом халате, полотенцем на голове и красной маской, кажется «свежесть молодости» называется – всё вместе производило незабываемое впечатление.

Ну, слава богу, с ней всё в порядке! Я с облегчением вздохнула.

Парень, напротив, напрягся:

– Стоять, руки вверх!

Ленка завизжала.

– Тихо! – она также резко заткнулась. – Вы хозяйка квар-

тиры?

Ленка покачала головой.

– А где хозяева?

Голос видно ей так и не вернулся, поэтому она просто ткнула пальцем ему за спину.

Круглые от ужаса глаза парня я никогда не забуду. Не знаю, кого он ожидал там увидеть: сатанистов, кошкомучителей или санитаров, но очень обрадовался, найдя только меня.

За полчаса до Нового года мы, наконец, разобрались.

Мой герой извинился и попытался смыться.

– Эй, а Новый год? Служба? Неет, двум девочкам на выданье в Новый год без мужика нельзя – как встретишь, так и проведёшь. Так что оставайтесь...

Он смущенно улыбнулся и пообещал задержаться разве что на двадцать минут.

А я уже точно знала Дима останется со мною надолго.

Корпоративчик

– А где здесь уборная?

– По коридору прямо и вторая дверь налево.

Я дружелюбно оскалилась, меня вежливо не заметили. Ну да, о чём говорить с женой директора? Нахлебница!

Корпоратив был в самом разгаре. Все коммуникабельны, стрессоустойчивы и немножко пьяны. И я... Ефросинья Федоровна, жена директора. Уже через полчаса они не смогут выговаривать моё отчество, а как будут издеваться над именем, страшно даже представить.

Зря я согласилась с Павликом. Сидела бы дома в обнимку с телевизором и Оливье!

Компания нечёсанных парней, программисты, наверное, чему-то бурно радовались. Я постаралась обойти их по дуге, но всё равно прилетело серпантинном в ухо.

...Да, я в порядке.

...Нет, мне не больно.

...Да, я не сержусь.

...И вас с Новым годом!

На выходе из зала стояла дозором вся бухгалтерия. Все равны как на подбор, с ними... Людка Борода. Не обойти. Раньше, когда мы с Павликом только начинали, это была моя территория. Когда моих бухгалтерских курсов уже стало не

хватать, появилась она. Компетентна. Любопытна. Невыносима. Этакая миссис Марпл полиции нравов. Всё пыталась поймать Павлика на измене! До сих пор старается...

...Нет, я не грустная.

...Да, у меня всё в порядке.

...Нет, я не скучаю.

...С наступающим!

И что мне дома не сиделось-то?! Вожделенный коридор встретил шеренгой дверей без опознавательных знаков. Что там Павлик говорил, вторая слева или всё-таки справа?

Идти налево не хотелось, я толкнула вторую справа и замерла. Терпеть не могу корпоративы... и темноту.

Уж лучше ещё раз пройти через бухгалтерию и получить в ухо, чем усилено потеть от фобии. Я чувствую, там кто-то есть ...смотрит на меня... думает всякое.

Страх услужливо подсовывал мне слуховые галлюцинации шизофреника: и шорох одежды, и чужое дыхание, и... А это что, шаги? Я в панике пыталась нащупать выключатель.

Чужая рука нащупала меня раньше...

– Что здесь происходит? – родной голос вернул меня из обморока.

Действительно, а что здесь происходит? Смутно знакомая девушка в изящном исподнем пыталась вернуть мою юбку на место.

Человек действует исходя из своего опыта. Мой молчал и я закричала, девушка меня поддержала. И тут я её вспомнила – Ника, секретарша мужа.

То, что она здесь ждала не меня – ежу понятно! Павлика? За спиной мужа мелькнула взволнованная физиономия нашего водителя. Судя по обмену взглядами между ним и Никой – сюрприз предназначался именно ему.

Я села, придерживая голову. Нужно было идти налево.

...Да, я в порядке.

...Нет, я всё понимаю.

...Да, и не думаю ничего такого.

О чём я думаю? О телевизоре и Оливье.

С Новым счастьем!

Дас ист фантастишь!

Незначительная ошибка

Среда.

Сегодня Лёка сделала всё, что могла. Завтра четверг, очередь Ники.

Я стояла напротив очереди к воротам дворца Пифии, вглядываясь в лица тех, чье время уже пришло.

Алекса среди них не было. Наступил вечер, ворота закрылись в последний раз за сегодня, а я всё ждала. Время от времени я доставала из кармана записку. Алекс оставил её на подушке вчера утром. Там было всего два слова «я ухожу».

Я не стала искать причину в себе, как Марта.

Я не рыдала в подушку, как Валюша.

Я не разнесла полквартиры, как Ники.

Я просто хотела попрощаться.

За вчерашний день я оббегала полгорода. Была у него на службе, оказывается, Алекс уволился по собственному желанию.

Заглянула к нему на квартиру, его сосед признался, что Алекс вчера вернул ему все одолжённые ранее пластинки, а за плитку Валюшеного домашнего шоколада проводил меня в его комнаты. Идеальная чистота. Все шкафы пусты, одежда

и личные вещи уместились в два небольших сундука.

Тогда я поняла: он получил письмо. Сколько я таких доставила другим людям... теперь пришла расплата.

Сегодня я целый день ждала его у врат и молилась Пифии, чтобы он не проскочил ещё вчера, когда я носилась по городу, проводя своё расследование.

Ко мне подошёл страж и вежливо тронул за плечо.

...Да, уже поздно.

...Нет, я никого не жду.

...Да, со мной всё в порядке.

Я вернулась домой и достала тетрадь. Сегодня Лёка сделала всё, что могла. Завтра четверг, очередь Ники.

Четверг.

Я проснулась от будильника. Стрелки застыли на пяти утра. Какого Байта, Лёка подняла меня в такую рань?! Наверно, опять что-то не успела сделать и теперь мне, высококлассному программисту, придётся работать курьером.

Постель рядом пустовала. Странно, Алекс любит поспать.

Я пожала плечами и привычно пошарила под подушкой. Нашупав корешок тетради, достала её и принялась читать. Что там натворили девчонки, пока меня не было?

Зануда Павловна жгла. Её красные чернила раскрасили унылый синий текст подчёркиваниями и исправлениями. Хорошо, что оценки ставить отучили! Больше всех отхватывала Валюшка. Жаль девочку, она же не виновата, что смог-

ла осилить только девять классов и ПТУ.

«Нужно опять найти и перепрятать училкину ручку», решила я и мстительно ухмыльнулась.

Округлый почерк Марты сменился на острые буквы Лёки. Эта чувиха раньше меня страшно раздражала, но потом нашла нам всем мужика и вроде как отформатировалась. Что там она накарябала?

С каждой строчкой внутри росло нечто холодное и тёмное.

Слова плясали по бумаге, кое-где чернила размокли и поплыли. Лёка плакала.

«Вчера он ушёл... получил послание от Пифии. Ники, попрощайся с ним за нас всех».

Попрощаться? Щаззз!

Я отбросила тетрадь и зажмурилась.

Пифия решила, что Алекс выполнил своё предназначение в этой жизни, и отправила ему билет в один конец.

Чё за бред?

Я только-только начала привыкать к окружающей реальности, где нет компов, автопрома и пластика. Научилась делить нижнее бельё с тремя чужими бабами. Почувствовала себя нужной. Полюбила, впервые за 30 лет. И теперь так просто отказаться от всего этого?

С хренали?

Только потому, что какая-то «одарённая», которую я знать не знаю, так решила?

Лёка может верить, во что ей хочется: в Пифию, Будду или святого Нафаню, а я буду верить в себя.

Я быстро оделась. На кухне пусто, готовить времени нет. Я уже собиралась уходить, когда на глаза попался нож. Не задумываясь, я сунула его в карман. В шесть я уже неслась к площади. Что нужно, чтобы попасть к Пифии вне очереди? Как мне иногда не хватало Гугла, но это общество отказалось от всех благ цивилизации: телефона, Макдональдса, нефтепродуктов и фармакологии.

Я не против лошадей на дорогах вместо вонючих авто...

Я всеми конечностями за чтение книг, вместо убитого вечера возле телека...

Но вот интернета я потомкам простить так и не смогла.

Почему они к этому пришли не знаю. Как-то не до того было. Слишком много времени я потратила на то, чтобы осознать все происходящие и примириться с ним. А теперь уточнять времени нет.

Пифия одна из местных реалий, которые были за гранью моего понимания. Люди здесь практически не болели и могли жить долго. Чисто теоретически. По факту же до тридцати пяти максимум. Была некая «просветлённая», которая отслеживала всех, кто выполнил свою программу. Дескать, если он или она достигли всего что могли, зачем им дальше жить, только мучиться! Помню, как-то прочла об уходе известной художницы. Типа она свояла такую гениальную вещь, что жить дальше не имеет смысла, себя не превзойти.

И это в двадцать семь?!

И все добровольно идут во дворец Пифии за смертью, стоит её только прислать приглашение. Суицидники, блин!

На площадь я выскочила в полседьмого. Перед воротами кроме меня и двух стражей ещё никого не было. Отлично! В семь потянулись первые приговорённые. На молодых лицах печать тупой покорности. Тьфу, противно смотреть!

Может я зря сюда пришла? В кармане пальцы коснулись ножа, и я испуганно отдёрнула руку.

Алекс пришёл в десять. Он сразу заметил меня, но не пошёл. Я тоже, просто стояла и смотрела. Очередь продвигалась быстро. Арка врат светилась лёгким неоновым светом. Огромные створки открывались, ровно настолько, чтобы прошёл очередной суицидник, свет на мгновение вспыхивал, потом наступала тьма, как будто кто-то выключал рубильник. Потом свет загорался вновь, но человека там уже не было. От жизни до смерти всего семь минут. Страшно.

Я представила, как Алекс войдёт внутрь, как погаснет свет и он окажется в полной темноте. Один. Без меня. А потом его не станет.

Не станет и меня.

Я смотрела, как тает очередь перед Алексом и лихорадочно соображала. Гениальных идей, как назло, не было. Только мысль: «мне его не спасти» назойливо билась о черепную коробку.

Оставалось одно. Когда женщину, стоящую перед Алек-

сом, проглотила тьма, я пошла вперёд.

– Привет.

– Привет, – улыбнулся он. – Хорошо, что сегодня четверг.

Он не сказал, но я поняла, он хотел проститься именно со мной. Что-то нужно было сказать, но голос внезапно исчез.

– Я люблю тебя, Ники.

Свет в арку вернулся, створки врат приоткрылись.

Я всхлипнула и нащупала в кармане нож.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала я и воткнула остриё ему в ногу.

Он упал. Крики и суматоха настигли меня тогда, когда я уже была под аркой. А потом наступила тьма.

Через пару ударов сердца я услышала чуть слышный гул, потом пол подо мной дёрнулся и поехал.

Эскалатор?

Впереди забрезжил свет, и я пошла ему навстречу. Через минуту я уже была в небольшой белой комнате. Посмотрела на потолок, вверху притаился странный прибор, похожий на перевёрнутое ведро, запутавшееся в переплетении проводов.

Я подошла к стене и ковырнула её ногтем – по ощущениям пластик. Стена вздрогнула и поползла вверх. Из проёма дохнуло холодом.

Сил удивляться или пугаться у меня уже не было. Просто дойду до конца.

Я шагнула вперёд и оказалась в смутно знакомом месте.

От стен до потолка тянулись длинные стеллажи, которые подмигивал мне весёлыми огоньками серверов, по полу тянулись толстые канаты кабелей, а с потолка на меня дышали холодным воздухом жерла вентиляторов, в центре стояла консоль с креслом. Я увидела себя на двух десятках экранах, рассыпанных вокруг. На полу валялся череп. Его пустые глазницы следили за моим приближением.

Я заглянула в кресло, так и есть, последний юзер этой машины потерял голову при исполнении. Смахнув пыль с консоли, я наткнулась на самую обычную клавишу.

– Тааак и что у нас здесь?

Я не ожидала ответа, поэтому чуть не заработала инфаркт, услышав из динамика холодный механический голос:

– Я Пифия, автономная система жизнеподдержания человеческих организмов.

– Да, иди ты!

– Запрос не идентифицирован.

Я собралась с мыслями. Если это компьютер, то программист точно сможет с ним договориться.

– Почему ты убиваешь людей?

– Я создана сохранять жизнь, а не уничтожать её.

– Поясни.

Экраны все, кроме одного погасли. Пифия показывала мне кадры хроники.

– В 2020 году человечество изобрело лекарство от старения...

Счастливые дикторы на разных языках сообщали о великом прорыве, их сменил кусок репортажа, где серьёзные люди в белых халатах демонстрировали камере яркую пилюлю.

—...в 2022-м после продолжительных актов общественно-го несогласия, — я увидела горящие машины и горожан, громящих витрины, — лекарство стало доступно по страховому полису.

Картинка сменилась. На экране застыл график, с кривой опасно стремящейся вниз.

—...к 2030-му, население планеты потеряло 1 миллиард человек. Люди перестали стареть, но бессмертными это их не сделало. Смертность превысила рождаемость в несколько десятков раз. Люди перестали размножаться.

Страшные сцены катастроф и массовых суицидов сменяли друг друга.

—...в 2036 родился последний ребёнок. На заседании ООН было принято решение сделать население опять смертными. Для этого был разработан механизм стирания памяти.

На экране возникла картинка с тем самым ведром, которое я только что видела в маленькой белой комнате. Незнакомый грустный человек надевал его на голову, а уже на следующем кадре он же вприпрыжку выскакивал из врат в новую жизнь.

— Раз в двадцать лет каждая особь проходит процедуру. Здесь ей автоматически аннулируется память и с помощью случайной выборки формируется новая личность.

Перед глазами всплыла потрёпанная тетрадь, написанная четырьмя разными подчерками, четырьмя разными женщинами, одной рукой.

Я вспомнила: как впервые догадалась, что в этом теле я не одна, как вела войну за собственный рассудок, как осознала, что живу только один день в неделю – четверг, как сдалась и решила умереть...

Если бы не Алекс, меня уже не было.

Полтора года назад сисадмин Ники, училка Марта Павловна, продавщица Валюшка и посыльная Лёка, наконец, договорились. Алекс принял все мои «я» и научил с ними жить. Мы идеально подходили друг к другу и девочки были со мной полностью согласны.

И этого всего Пифия хочет меня лишить? Может мне тоже форматнуть память?

Память... Осознание того, что я «умирала» по крайней мере трижды, оглушило. Я пошатнулась, и ухватилась за консоль, чтобы не упасть. Значит, я, Марта, Валюша и Лёка это просто осколки памяти?

Пифия молчала. Гул вентиляторов проходил сквозь меня, я буквально вибрировала от напряжения.

– Кто следит за выполнением программы?

– Никто, я полностью автономна, создана с большим запасом прочности.

– Это нужно остановить. Ещё немного и люди сойдут сума! Во мне уже четыре личности.

– Это невозможно, – оборвала моё возмущение Пифия. Пальцы привычно легли на клавиатуру.

– Отклонение в психике коснётся 0,000001 процента населения в год. Это незначительная ошибка.

Я оглянулась на приветливо распахнутые двери. Тёплый свет, казалось, лучился от стен, предлагая зайти внутрь и исчезнуть опять.

А потом возродится.

Другой, одинокой.

Надписи на кнопках уже стёрлись, но я действовала по памяти.

– Пифия, ты уже совершила одну незначительную ошибку, – Я вошла в меню и нашла строку управления.

– Какую же? – в машинном голосе проскользнули нетерпеливые нотки.

– Ты ошиблась днём недели. Сегодня четверг, – сказала я и нажала энтер.

Гул вентиляции стих. Скоро Пифия уснёт навсегда.

Побочный эффект

– Вы готовы?

Я кивнул.

– Сорта, включай запись.

– Запись включена, – детским голосом подтвердил ИИ из динамика под потолком.

Первое время я дёргался, уж очень непривычно слышать детский голос на корабле. Но потом понял – это один из психологических рычагов для колонистов. Нам же нужно заселять незнакомую планету, найти себе пару и активно размножаться ...да-а. И что же меня заставило на всё это подписаться?

– Итак, десятый день пробуждения. Как вы себя чувствуете, есть ли вопросы?

Пальцы уже по привычке сжались в кулак. Док это заметил, но не отреагировал.

– Я кого-то убил?

– Нет. Вы не заключённый, – я облегчённо выдохнул. – Правительство не имеет привычку давать второй шанс, да и освоение нового мира это не наказание. Кстати, как идёт процесс восстановления профнавыков?

– Отлично...

Десять дней назад я проснулся в капсуле, зная о себе только имя и порядковый номер, побочный эффект гибернации.

Нас таких оказалось почти две с половиной тысяч мужчин и женщин в возрасте от 26 до 30. Судя по виду. Потому что, сколько мне лет на самом деле я тоже не помнил.

Мои дни после пробуждения были заполнены общением с другими членами экипажа, психологом и жалкими потугами понять, почему я согласился выкинуть собственную жизнь в бездну, улететь чёрт знает куда строить новый мир. Каждую нашу встречу с Доком я тестировал новую гипотезу. Пока ни разу не угадал.

Выйдя в коридор, я, наконец, свободно вздохнул. Общение с Доком пока тяжело давалось, может, потому что у меня был свой маленький секрет?

– Привет! – судя по синим искоркам в глазах, у неё хорошие новости.

С Анной мы познакомились во второй день пробуждения в столовой. Вообще-то, её смена уходила на перерыв раньше, но она задержалась на процедурах, а я, напротив, чуть раньше пришёл. С тех пор мы обедали вместе. Аня по специализации была зоологом. Маленькая, но крепкая, с короткими рыжими пружинками волос, она напоминала мне земную белку. Ну, если бы белка перепутала сосну со столбом ЛЭП.

Анна смешно сморщила нос, стараясь "незаметно" указать мне за угол. Я решил ей подыграть.

– Привет, Ань, прогуляемся?

Я старался не улыбнуться, когда она нетерпеливо подхватила меня под локоток и потащила в соседний блок.

– Я знаю, что это! – торжественно объявила она, как только за нами закрылась дверь отсека.

Казалось, ещё чуть-чуть и её просто разорвёт от напряжения. Я не сдержался и хмыкнул.

– Выкладывай!

– Это семена растения!

Там в капсуле, в момент пробуждения, когда я пытался понять, что я такое, почему голый и что за ребёнок со мной разговаривает, я обнаружил одну странную вещь: в моём кулаке был зажат комочек грунта. Тогда я понял: либо моё пребывание здесь было не слишком добровольным (утомлённый длительным сном мозг сразу подкинул картинку: вот злые дяди под руководством Дока за ноги втягивают меня на борт, а я упорно цепляюсь за родину), либо это другой Я оставил этому МНЕ какое-то послание, в надежде что разберусь.

И прогадал.

По специальности я инженер-строитель, поэтому провести анализ грунта толком не смог. Так и ломал голову над этой загадкой, если бы не встретил моего бельчонка. Не знаю почему, но я сразу решил ей довериться.

Удивительно, в грунте семена неизвестного растения! Конечно, посадочный материал и эмбрионы животных мы везли с собой в грузовых отсеках в большом количестве. Но зачем мне понадобилось утрамбовать какие-то семена в кусок грязи и проносить с собой в капсулу?

– Я думаю это имя! – не выдержала моих умственных

упражнений Анна. – Ты кого-то очень боялся забыть! Девушку?

– Сестру?

– А может жену, – хитро прищурилась она.

– Или брата? – наградив шутливым тычком под рёбра, она потащила меня в столовую.

Я и не сопротивлялся, мне было хорошо...

***

– Сорта, включай запись.

– Запись включена.

– Итак, двенадцатый день пробуждения. У вас есть вопросы?

– А мы действительно куда-то летим или это просто какой-то социальный эксперимент?

– Голубчик, для ответа на этот вопрос вам всего лишь требуется подождать две недели, мы уже на подлёте. Корабль начал торможение ровно двенадцать дней назад.

Ладно, подождём. Пока теория о виртуальной реальности самая популярная в моей смене.

Док кивнул какой-то своей мысли и прошёл сквозь стол. Моя челюсть громко встретила с полом.

– Что с вами голубчик?

– Это с вами что?!

– О, не переживайте. Я операционный консультант, часть ИИ корабля.

– Ясно, – нервно кивнул я, теория о матрице только что

получила сотню баллов плюсом.

– У вас есть ещё вопросы?

– Я точно не сплю? – Док как-то слишком по-человечески хмыкнул и оставил меня без ответа.

Анна застыла на лавке возле стены с какой-то растительностью. То ли мох, то ли лишайники, то ли водоросли – на корабле почти все коридоры были украшены этой гадостью. Кислород они вырабатывали всего ничего, скорее служили индикатором. Пока зелёные и влажные всё ок, как только высохли пора занимать места в спасательных капсулах.

– Привет!

– Привет, – сжатые нервно колени, взгляд в пол, поникшие кудряшки.

Захотелось растормошить её, а потом обнять. Кто сломал моего бельчонка?

– Её зовут Виола, – словно прочитав мои мысли, прошептала она.

– Кого? – не понял я. Если она сейчас, как Док прошла сквозь стену, я бы меньше удивился.

– Ту, которую ты так боялся забыть.

Я ещё тупил.

Аня, наконец, посмотрела на меня. Видимо, было в моём лице что-то такое... Она всё-таки сжалилась и перестала говорить загадками.

– Те семена от цветка *Viola tricolor*. Виола – это женское имя.

Она ушла, а её грустная улыбка всё ещё сидела занозой в моей груди.

***

– Сорта?

– Запись включена.

– Итак, четырнадцатый день пробуждения. – Док заложил руки за спину и пустился в обход кабинета. – Как вы себя чувствуете, есть вопросы?

– Я идиот?

Док сбился с шага, бровь выгнулась дугой. Видимо, психологи, даже искусственные, не привыкли, чтобы пациенты сами себе ставили диагноз.

– А что, есть подозрения?

– Не знаю. Кажется, я потерял друга.

– Человеческая мудрость гласит, – я не удержался от скептического хмыканья. Док снисходительно улыбнулся и продолжил, – настоящего друга трудно потерять. Вопрос в другом: а была ли она вам только другом?

Чёрт! Я уже и сам не знал ответа на этот вопрос.#

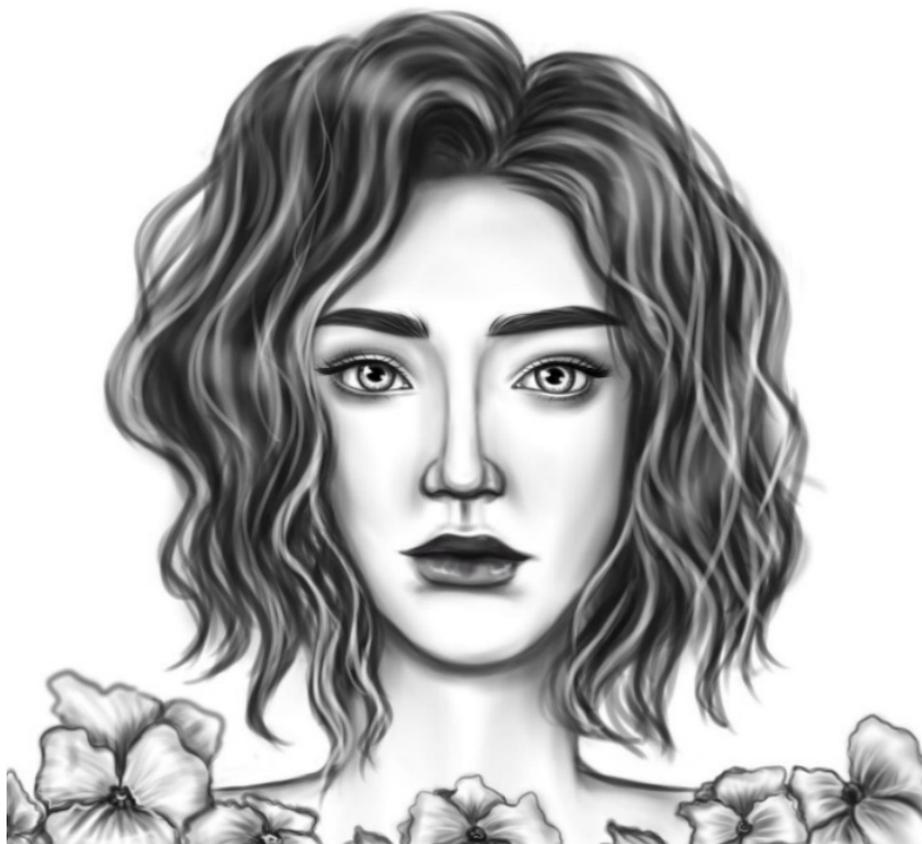
В коридоре было пусто, как и у меня внутри. Я долго думал об этой загадочной Виоле или Виолетте. Неужели я её так любил?

Ну, встречу я её, а узнаю?

А она меня?

Хочу ли я вообще быть с той, память о которой даже не сохранилась?

Я не мог описать одним словом то, что сейчас происходило во мне. Всё-таки я здорово сглупил, когда взял в капсулу эти треклятые семена. Но кое-что я всё же ещё могу исправить. Я набрал на планшете номер Ани.

***

– Видишь? Я оказался прав: чувства сильнее информации. Любовь сильнее памяти, – Док улыбнулся в пространство.

– Это ещё ничего не значит, – капризно возразил динамик. – Может, она его не любит?

– Ох, Сорта, мала ты ещё. А знаешь, что самое смешное?

– Что? – обижено буркнул ИИ.

– Девочка ошиблась только в одном: у растений есть несколько названий. *Viola tricolor* по-другому Анютины глазки!

В пустом кабинете разлился счастливый детский смех, его поддержал довольный мужской хохот.

А тут немного фэнтэзи

Жемчужное ожерелье

(честная сказка о любви)

Раскрасневшаяся, со сбитым набок чепцом нянька выскочила из детской и едва не столкнулась с высокой рыжеволосой женщиной:

– Ваше Сиятельство! Дети совсем не хотят спать.

– Сейчас поправим, – тёплая улыбка озарила лицо княгини.

Забежав вперёд, нянька услужливо открыла перед госпожой двери. Тут же в коридор ворвался шум из детской. Посреди комнаты две девочки пяти и шести лет с визгом делили игрушки. Кто из них преуспел, разглядеть толком не удавалось. Всё терялось в мельтешении белых сорочек и сполохах рыжего пламени волос. Обе пошли в мать: и внешностью, и характером. Княгиня закусила губу, вспомнив своё детство и поединки с сестрой. Темноволосый мальчуган, неполных двух лет, в растерянности бегал вокруг девчонок и громко возмущался, на своём только ему понятном языке.

– Дети, – ласково позвала княгиня, – пора спать.

Нянька тихонько собирала разбросанные игрушки, пока подопечные укладывались в свои кровати. Это волшебство

какое-то! Стоит госпоже только войти в детскую, как эти бесенята превращаются в ангелочков. Нянька держалась за своё место, как-никак семья князя. Да и воспитанников своих очень любила. Детки чудесные, добрые и умные не погодам. А их вечерний бунт просто желание поскорее увидеть мать. Они прекрасно знают, что нянька побежит к ней за помощью.

Княгиня поправила одеяла и, поцеловав детей, собралась уходить. Как же, так просто они её не отпустят!

– А сказку? – попросила старшая из девочек.

Нянька спрятала улыбку. Каждый вечер одно и то же.

– Какую? – лукаво прищурилась княгиня.

– Про жемчужное ожерелье, – хором взмолились девочки.

Даже карапуз выдал что-то похожее на «о-е-лелье».

Нянька тихонько спряталась в свой уголок и приготовилась слушать. Эта сказка была любимой не только у детей...

– Хорошо. Закрывайте глазки, а я буду рассказывать...

«...На севере, в крохотной бухте Бурного моря притаился посёлок. Деревянный пирс, две улицы и рынок. Здесь, на окраине жил Рыбак. Он был молод, силен и удачлив. Каждый день он выходил в море, и ни разу не вернулся без добычи. Соседи завидовали ему и сторонились. Поговаривали, что Рыбак заключил договор с морской девой: полные сети в обмен на душу.

Так и жил Рыбак, одиноким в своей любви к Морю. Летом

и межсезонье промышлял, а зимой латал сети дома у тёплого очага, слушая, как штормовой ветер терзает крышу. Однажды ранней весной, когда ещё шумят последние зимние бури, на берег вынесло обломки корабля.

– От даров Моря нельзя отказываться, – сказал сам себе Рыбак.

В самом деле, там можно было найти много полезных вещей: верёвки, дерево, парусина. А может, повезёт и часть груза. В этот раз берег был усыпан мелкой щепой. Ничего стоящего. Рыбак уже собирался возвращаться, как услышал стон из-за кучи водорослей. Он подошёл поближе и увидел девушку в грязном, мокром, но очень богатом платье. Её шею украшало тяжёлое жемчужное ожерелье.

– И как она с такой тяжестью на дно не отправилась? – спросил сам себя Рыбак и тут же нашёл ответ. – Видно, пощадило её Море.

Он подхватил девушку на руки и отнёс домой. Прошла неделя. Красавица быстро пришла в себя и осторожно осваивалась в чужом доме. А Рыбак пребывал в смятении, в его сердце вдруг нашлось место кому-то ещё, кроме Моря. Он любил и страдал, понимая, что красавица скоро исчезнет навсегда. Однажды он не выдержал и спросил:

– Нужно сообщить семье, что ты выжила. Откуда ты?

– Оттуда, где находят самый редкий розовый жемчуг, – нитка ожерелья скользнула между её пальцев. – Оттуда, где носят тяжёлые и неудобные платья. Оттуда, где замки срос-

лись со скалами, – с каждым её словом Рыбак мрачнел всё сильнее. Боль от близкой разлуки разрывала ему сердце. – Оттуда, где нет любви. – Красавица взяла его руку, тёмную от загара и жёсткую от соли, и прошептала. – Я туда больше не вернусь.»

– Как романтично-о...

– Тс-с! Не перебивай.

«Так и жили вместе: рыжеволосая Красавица и Рыбак. После свадьбы она сожгла своё платье, а ожерелье хотела утопить, чтобы ничто не напоминало о прошлой жизни. Но Рыбак её остановил:

– Пусть останется на приданное дочерям.

– А если будет сын? – капризничала Красавица.

– Значит, достанется внучке, – смеялся Рыбак.

Через год у них появилась дочь. Огненоволосая малютка с глазами цвета волн. Её назвали Анна. Рыбак каждый день, как и прежде выходил в море, но всегда спешил вернуться – ведь теперь дома его ждали. Красавица ни дня не жалела о своём выборе, ведь она была любима! Единственное, что ей не хватало, так это ещё детей. С самого детства она мечтала о большой семье. Каждый день, она просила у Моря ещё одного ребёнка. И Море слышало. Через десять лет в семье Рыбака появилась ещё одна дочь. Её назвали Мариной...»

– Как меня! – воскликнула старшая княжна.

– Да, милая... – согласилась мама и продолжила рассказывать дальше.

«Сёстры были очень похожи, обе красавицы и умницы. У Рыбака было всё, о чём он только мечтал: любящая семья и Море. Не хватало денег? Ну и пусть! Море полно рыбы, он молод и полон сил, проживут!

Прошло ещё пять лет. Анна выросла. Многие парни из посёлка готовы были жениться на ней даже без приданного. Стоило девушке появиться с отцом на рынке, её тут же обступала толпа поклонников. Больше всего старался привлечь внимание сын старосты. Рыбак смеялся и отшучивался, а Анна расстраивалась. В её сердце пока не было любви. Она грустила и с нетерпением ждала сезона штормов, рыбы будет мало и на рынок ходить не придётся.

Наступила зима. Пришли злые ветра и тёмные вечера, полные сказок и волшебства. Девочки любили такие дни. Под завывание бури, мать рассказывала чудесные истории, а сёстры, сидя у очага, помогали отцу латать старые сети.

А в середине зимы в дом пришла беда. Красавица и Марина заболели. Анна взяла на себя заботу о матери и сестре. А Рыбак, несмотря на погоду, каждый день выходил в море, чтобы поймать немного свежей рыбы и продать её на рынке. Больным становилось всё хуже и хуже, они перестали узнавать родные лица. Даже лекарь из посёлка больше к ним

не приходил: холодно, да и надежды на выздоровление нет. Только отец и дочь отказывались в это верить.

– Всё будет хорошо, родная. Я попрошу Море о милости. Однажды оно помогло мне, не откажет и сейчас. – Рыбак поцеловал дочь на прощание и, пригибаясь под порывами ветра, пошёл к старой лодке.

Анна проводила его печальным взглядом и вернулась в дом. Ей предстояла тяжёлая борьба за жизнь любимых людей. К обеду тучи полностью укутали землю, будто низким куполом. Ветер безжалостно гнал волны и рвал крышу. Как будто кто-то огромный и злой с противным скрежетом сжимал домик в когтях. Анна всякий раз вздрагивала, слыша этот звук. Сквозь шум её привлёк тихий стон. Девушка бросилась к постели матери. О чудо! Неужели Море услышало мольбы отца?

– Мама, – тихонько позвала её Анна.

– Это ветер? – спросила Красавица и сама себе ответила. – Буря подарила мне жизнь, она же и заберёт её.

– Мама, всё будет хорошо. Отец попросит Море и оно спасёт вас...

– Чтобы получить что-то от Моря, нужно отдать не меньше... Береги сестру. А наша любовь сохранит тебя, – Красавица в последний раз улыбнулась и умерла.

Анна прорыдала до вечера. Она со страхом ждала отца и думала, как же ему сообщить, что мамы больше нет. Но ей не пришлось, Рыбак не вернулся ни вечером, ни на следующий

день. Анна похоронила мать и вернулась к постели больной сестры. Жизнь в Марине держалась на тонкой ниточке, которая могла оборваться, казалась, даже от громкого звука. Дни потянулись за днями, сливались в серый полусон. И только тихие слова матери всё никак не шли из головы.

– Что же отдать, Морю, чтобы оно вернуло жизнь и здоровье сестрёнке? – но ответа не находила.

В эту ночь Анна боялась уснуть, уж слишком тяжело дышала девочка. Перед самым утром коварно подкралась усталость, и она забылась тревожным сном. Ей снилось детство, как мама печально улыбалась, когда она играла в принцессу, примеряя жемчужное ожерелье. То самое, которое подарило Море. С крупными, розовыми жемчужинами на пяти нитках, соединённых белой камеей с женским профилем.

Анна рывком проснулась. Проверив сестру, она бросилась искать ожерелье. Оно оказалось на месте, спрятанное в тайнике у потолочной балки. Девушка отрезала одну нить, и аккуратно, чтобы не просыпать, сняла жемчужину. Нежно-розовая и ровная, подарок южных островов, северному морю должно понравиться. Крепко сжав кулак, Анна поспешила на берег.

Холодный ветер безжалостно трепал одежду и волосы. Волны хищно атаквали берег, стремясь дотянуться до девичьих ног. Анна в нерешительности замерла. О чём же просить? Мама говорила, что обмен должен быть равнозначным. Последний раз, взглянув на жемчужину, девушка размахну-

лась и забросила её так далеко, как только могла:

– День! Прошу, дай ей ещё один день!

Словно услышав её слова, волны отступили, напоследок рассыпав солёные капли по её лицу. Анна вернулась домой. Она была у двери, когда услышала голос сестрёнки. Марина пришла в себя и звала маму.

С тех пор каждое утро начиналось с прогулки на берег, чтобы выпросить у Моря ещё один день жизни для Марины. Сезон штормов не закончился, но ни дождь, ни ветер не могли остановить Анну. Девочка поправлялась, она всё ещё была бледна и шаталась от слабости, но жар и лихорадка отступили. Ожерелье таяло на глазах, вот уже не стало одной нитки. Анна даже думать боялась, что случится, если она не отдаст плату Морю. Всё чаще её посещала мысль о замужестве с сыном старосты. Нужно только дождаться весны...

В один из вечеров, когда Анна пересчитывала бусины, в дом диким смерчем влетела сестрёнка.

– Пойдём! – На личике Марины от болезни уже не осталось и следа. Раскрасневшаяся от бега, она возбуждённо махала руками, – Там! Скорее...

Весь берег был усыпан плавнем. Но девочка указывала не на берег, а на один из камней, торчащих из воды в шагах пятидесяти от суши. Там был человек точнее не разглядеть. Анна судорожно думала, что же делать, бежать в посёлок за помощью слишком долго, скоро прилив. Спасать самой, а как? Лодки-то нет! Возможно, он уже мёртв? А вдруг у него

есть, что-то ценное, на что можно купить жемчуга?

«От даров Моря нельзя отказываться», всегда говорил отец. Анна решила. Отправив сестру приготовить одеяла и горячее питьё, она разделась до рубашки и вошла в воду. Море вспенилось у её ног. Зубы свело от холода. Прилив уже начался, поэтому до скалы пришлось плыть. Незнакомец был в полузабытьи, пальцы судорожно вцепились в скользкие валуны. С трудом ей удалось оторвать мужчину от скалы, он сопротивлялся и едва не утопил их обоих.

Весь обратный путь ей пришлось тащить тяжёлое тело на себе. Анна задыхалась, сил почти не осталось. Прилив, подгоняющий её в спину, и вовремя подоспевшая Марина, помогли им выбраться на берег.

Сёстры донесли-дотащили спасённого домой. Его переодели, уложили в постель и напоили горячим отваром. Анна обработала его раны. А когда незнакомец заснул, осмотрела его вещи. Одежда у него была простая, но из хорошей ткани и кожи.

– Хорошенький, может быть, он принц? – Марина с любопытством всматривалась в лицо незнакомца.

С первым Анна была согласна. Он действительно красив: непривычно чёрные волосы и смуглая кожа, прямой нос и мужественный подбородок. Наверно и глаза у него тёмные, как у всех детей южных островов. Интересно, как он оказался так далеко на севере.

– Скорее рыцарь или наёмник, – возразила Анна.

Обуви у незнакомца не оказалась, как и других ценных вещей. Вряд ли бы принц отправился в путь налегке.

На следующий день спасённый очнулся и рассказал свою историю. Его звали Виктор и он действительно был воином. Виктор с самого детства служил у южного князя, сначала оруженосцем, потом рыцарем.

– А что князю понадобилась на севере? – полюбопытствовала Марина.

– Много лет назад у него пропала дочь. Князь её искал, но безрезультатно. И вот недавно, здесь, на севере нашли часть от её приданого. Вот он и поспешил отправить корабли на поиски.

– Глупый ваш князь! Даже ребёнок знает, что в сезон штормов в Море делать нечего!

Виктор промолчал. Действительно, только глупая надежда могла отправить в путь почти весь княжеский флот. Оставалось верить, что только его кораблю не повезло попасть в сердце шторма. Узнать наверняка он сможет ближе к лету, когда в эту крохотную бухту придут первые торговцы.

Виктор постепенно набирался сил и помогал сёстрам по хозяйству. Болтушка Марина поведала ему историю их семьи. И теперь ему казалось, что этих смелых девочек он знает всю жизнь. Хотелось их защитить от мира, который так жестокого лишил их родителей. Часто он думал об Анне. Виктор был обязан ей жизнью, но когда он попытался поблагодарить её, получил странный ответ:

– Нельзя отказываться от даров Моря.

Каждое утро странная красавица уходила на берег. За чем? Даже Марина не знала этого. Однажды он решился последовать за ней.

Виктор проснулся и лежал с закрытыми глазами. Услышав, скрип двери, тихо собрался, так чтобы не разбудить Марину и выскользнул следом. Весна уже наступила, но холодные ветра ещё цеплялись за эти скалы. Тяжёлые тучи украли свет, весь мир серый и мокрый, даже не поймёшь день это или уже ночь. Виктор вышел на берег и увидел тонкую фигурку девушки. Анна кричала, что-то морю, а оно, казалось, отвечало ей. Вдруг она рухнула на колени. Виктор бросился к ней:

– Что случилось, принцесса? – спросил он, крепко обнимая хрупкие плечи.

Сквозь слёзы Анна рассказала ему о своём договоре с Морем и о том, что жемчуга осталось всего две нитки.

– На сколько ты бы хотела продлить жизнь сестре?

– Сто лет, не меньше! – с жаром выкрикнула Анна, а потом прошептала: – Но у меня остались только тридцать девять дней...

– Ладно, принцесса, что-нибудь придумаем.

– Ну, какая же я принцесса, – улыбнулась она.

– Самая настоящая! – заверил Виктор и улыбнулся в ответ.

С тех пор на берег они ходили вместе. С каждым днём

зима отступала, а солнце чаще задерживалось в этих краях. Анна заметила, что её мысли часто возвращаются к спасённому рыцарю. Она чувствовала себя весенним цветком, которого коснулись первые ласковые лучи. Девушка боялась себе признаться, что влюблена. Зачем? Он всё равно скоро уйдёт к своему князю, а она выйдет замуж. За сына старосты: богатого, унылого и не любимого...

Виктор ушёл ночью, так чтобы их не потревожить. Марина очень расстроилась, ведь она уже успела привыкнуть к нему. Анна весь день развлекала сестрёнку, а ночью тихо плакала и желала счастливого пути тому, кто забрал её сердце.

Ещё двадцать три жемчужины вернулись в Море. Остались камешки и семь бусин. Тянуть больше нельзя, для чуда совсем не осталось времени. Анна собралась в посёлок, надеясь встретить там сына старосты. Она выбрала самое лучшее платье, взяла корзину с ракушками на продажу и вместе с сестрой отправилась в путь.

Посёлок встретил их удивительно тишиной. Ни вечно галдящих мальчишек, ни переругиваний жён рыбаков, даже собаки притихли. Только неясный гул раздавался откуда-то с пристани. Сёстры поспешили на звук. Там собрались все жители.

- Что случилось? – спросила Анна у ближайшего зеваки.
- Торговец... – отвечали ей.

Марина возбуждённо прыгала вокруг сёстры и умоляла,

посмотреть на корабль. Анна с грустью поняла, что сегодня вряд ли встретиться с сыном старосты. Почему бы им тогда не посмотреть на торговца? Стоять в душной толпе Анна не хотела, поэтому вышла на берег в стороне от пирса. Здесь они были не одни. Оставленная без присмотра ребятня, с визгом носилась по песчаному пляжу. Марина тут же присоединилась к ним.

Анна уселась на тёплый валун. Тёмный силуэт корабля замер, на фоне яркого неба. Движение его было настолько незаметным, казалось, что он стоит на месте. Вот от борта отделилась шлюпка. Наверно, капитан не стал рисковать. Чтобы лучше видеть, Анна поднялась на камень. Прикрыв глаза от слепящих лучей, она пыталась разглядеть капитана. Её светлое платье, словно парус, легко трепетало на ветру, а огненно-рыжие волосы, как свет маяка манили к себе путешественников.

Шлюпка изменила движение, повернув от пристани, пошла к берегу. Сердце волнительно замерло и тут же забилось испуганной птицей. Вот уже можно разглядеть лица моряков. Шестеро матросов на вёслах и... Анна не выдержала и бросилась навстречу. Капитан тут же спрыгнул в воду...

Анна и Виктор замерли друг напротив друга, не смея коснуться, разве что только взглядами. Так и стояли по колено в воде, и только тёплое Море соединяло их. Расторопные матросы вытащили шлюпку на берег. Один из них осторожно достал ларец и подошёл к ним.

– Вот, – сказал Виктор, отбрасывая крышку. Анна смотрела на россыпь жемчуга всех существующих оттенков розового и не могла поверить глазам. – Здесь тридцать две тысячи. Хватит чуть больше, чем на сто лет...»

– Всё, конец! Теперь спать!

Девочки, стараясь оттянуть момент расставания с матерью, наперебой посыпали вопросами. Княгиня с трудом за ними поспевала:

– А Виктор нашёл дочку князя?

– Нет, зато нашёл его внучек...

– Мам, а Анна и Виктор любили друг друга?

– Да, – небольшую паузу дети не заметили.

– А потом, они поженились?

– Нет, солнышко. Внучки князя не выходят замуж за рыцарей, даже за самых верных.

Нянька в закутке неосторожно шмыгнула носом и поспешила уткнуться в подушку.

– Жалко...

– Ну, не вешайте носики! Это же сказка! Давайте придумаем другой конец этой истории?

– Да! Пусть Виктор и Анна поженятся... – тут же предло-

жила старшая княжна.

– И у них будут чудесные дочки и сын... – поддержала её сестра

Зашуршали одежды, княгиня поднялась:

– В нашей сказке всё так и будет. А теперь спать...

Осколки бессмертия

Льяна провела пальцем по его щеке, но почувствовала лишь холод серебра. В спину толкнул тёплый воздух. Она поспешно отдёрнула руку и набросила покрывало на Зеркало.

– Отец...

Пощёчина оборвала её на полуслове.

– Дура! Он всего лишь пыль под твоими ногами!

– Я его люблю, – всё, она это сказала.

Отец замахнулся снова, но видя, что она и не думает уклоняться, опустил руку. Покрывало соскользнуло на пол.

Золотоволосый юноша, прикрыв глаза, перебирал струны лютни.

– Вот на это, ты готова променять бессмертие?

– Одиночество, отец. Я меняю одиночество на жизнь.

Резкий взмах, и покрывало вернулось на место.

Отец положил руки ей на плечи и притянул к себе. Льяна замерла. Она уже и не помнила, когда он проявлял хоть какие-то чувства. У Бессмертных не принято любить или ненавидеть, они наблюдают. Подсматривают за теми, чья жизнь быстротечна и... полна.

– Ты видела рождение этого мира, – шёпот обжигал. – И сможешь застать его конец, а он, – кивок в сторону Зеркала, – ничто на чаше мироздания.

Льяна дёрнулась в попытке вырваться, но отец был сильнее.

– Ты прожила сотни жизней, а ему отмеряна лишь одна.

– Прекрати.

– Ты мудра, он же – младенец. Как долго твоя любовь сможет не замечать этого?

Отец давно ушёл. Льяна стояла на коленях рядом с Чёрным Зеркалом и по щекам её катились слёзы.

***

– Идиот!

– Авантюрист!

Моя улыбка не возымела действия. Мэтт в ответ лишь фыркнул.

– Ты же сам хочешь пойти со мной!

Возмущённая физиономия друга была мне наградой.

Я поправил чехол с лютней, затем проверил ножи: идут легко, ножны крепко прилегают к телу.

– Ладно! – Мэтт применительно поднял руки, но всё ещё не сдался. – Допустим, тебе удастся покинуть город.

– Нам, – поправил его я.

– Верю, ты сможешь...

– Мы!

– ...заговорить зубы стражу Гарнилата, но потом что МЫ будем делать?

Сложный вопрос. С тех пор как я подрядился украсть Чёрное Зеркало, ничего путного так и не пришло. Я просто

верил в свою звезду.

– Ну, даже Бессмертным нужны менестрели. – Мэтт многозначительно выгнул бровь. – Да брось, у нас всё получится!

Я вспомнил чёрные, как ночь глаза из своего сна и нежное прикосновение к щеке. Меня будут ждать, а Чёрное Зеркало так, небольшой подарок к долгой и красивой жизни.

***

Последние аккорды ещё звучали под сводами Пурпурного Дворца, а я уже замер в поклоне.

– Bravo, – одинокие хлопки раздались с помоста.

Я выпрямился и мои глаза тут же встретились с её. Дочь Бессмертного. Красивая, холодная и устрашающая, особенно когда она смотрит вот так – не мигая. Меня пробил озноб. Сейчас моя затея уже не казалась такой уж блестящей.

– Ты нас очень порадовал сегодня. Чего ты хочешь, менестрель?

Горло внезапно пересохло. Слова застряли где-то внутри. Ну же, скажи!

Мэтт бросил на меня предупреждающий взгляд и еле заметно покачал головой.

Я глубоко вздохнул и решился:

– Заглянуть в Чёрное Зеркало.

– О, ты хочешь стать Бессмертным!

Мне очень не понравилась его улыбка, что-то в ней такое было... хищное.

– Бессмертие – это не только дар, но и тяжёлая ноша. Не

каждому её дано выдержать.

– Я смогу...

– Нет!

Высокий женский крик оборвался, повинувшись взмаху руки хозяина замка.

– Моя дочь немного не сдержана, – он насмешливо развёл руками, как бы извиняясь. – Твоя музыка сегодня всех восхитила. Поэтому я исполню твою просьбу.

Красавица гневно посмотрела на отца, но перечить ему не осмелилась.

Я шёл по чёрному коридору в сопровождении таких же чёрных стражников. Хозяин замка с дочерью указывали мне дорогу. Шорох её платья по плитам пола напоминал мне звук ползущего аспида. Но я уже не боялся, как будто все эмоции остались там, в зале, вместе с Мэттом.

Мы остановились перед высокими стрельчатыми створками. Бессмертный взмахнул рукой, и они медленно поползли в стороны. Я стоял посреди небольшой комнаты, окна которой выходили в ночь. Зеркала я заметил не сразу, все они были занавешены покрывалами. В этот раз пурпурными. Хоть какое-то разнообразие!

– Выбирай!

Я подошёл к одному и замер. Что теперь? Вот посмотрю я туда и...

– Ну же!

Рука сама, словно чужая, потянулась к покрывалу. Ткань протекла между пальцев, и я исчез...

***

– Вот, дорогая, теперь он твой, как ты и хотела.

Льяна смотрела, как за стеклом неистово бился золотоволосый юноша, почти как в её сне.

Да она, хотела. Но не так! Нужно разбить Зеркало! Она хотела его любви... а он жаждал бессмертия.

Льяна нежно коснулась его щёки и улыбнулась. Она обязательно его освободит, но не сейчас... позже.

Зелье

– Итак, домашнее задание: исследовать историю своей се-

мьи. А чтобы вам было интересно будем работать в парах.

– Ууу, – прокатился по классу недовольный ропот.

Учитель, не обращая внимания, на общий настрой называл фамилии учеников.

– Так ну вроде бы все...

Он обвел глазами уже обсуждающих задание подростков. Но тут взгляд наткнулся на фигуру в чёрном на задней парте. Желание побыстрее отвернуться пришлось подавить усилием воли:

– Ах да, еще Стрига. Кто возьмет к себе... – имя ученицы из памяти исчезло, взгляд заполошно скользнул в журнал там, слава богу, оно нашлось. – Альбину?

Желающих не было, пришлось применить силу. Учитель наугад ткнул пальцем в список.

– Та-а-ак Альбина будет работать с... – он выдержал эффектную паузу и вынес приговор. – Юрченко и Якуниным.

– Нееет!

– Все. Начинаем работу с исследования фамилии...

– Ну, Игорьь, Владими... – не сдавался кто-то из парочки.

– А пото-ом! – повысил голос учитель, – изучаем родовое древо. И помните, оценка зависит от работы всех в команде. Конец урока!

Учитель сбежал. Одноклассники шумно рванули в библиотеку. А Борис, мрачно переглянувшись с Мишелем повернулся к задней парте.

– Мы собирались идти ко мне, ты с нами?

***

– У тебя святая вода дома есть? – прошептал Мишка, толкая друга локтем.

– Иди ты! – буркнул Борис, мрачно буравя спину в черной, безразмерной толстовке.

Девчонка уверено шла впереди, так как будто точно знала, где его дом. Это напрягало.

Вдруг она замерла, словно наткнулась на невидимую стену. Парни нагнали её и даже вырвались вперед. Борис обернулся, девчонка не шевелилась:

– Что, компас сломался?

– Нет, – прошелестела она, буравя взглядом Бориса.

– Так и что стоим... – начал раздражаться Мишель, но трель телефона прервала его гневный выпад.

Теперь и друг, и девчонка смотрели на Бориса. Он потянулся к карману. На экране высветился номер мамы.

– Привет, мам... Домой... Нет. Хорошо.... Все в порядке.

Он сунул телефон обратно и растерянно объявил:

– У мамы сегодня совещание, ко мне не вариант.

Мать Бориса работала дома и частенько выходила на связь с коллегами по скайпу. Такие собрания могли длиться ни один час. В это время в их однушке лучше было не появляться. Мишель знал это и вопросов не задавал. А этой Альбине Борис ничего и не собирался объяснять. Хотя, судя по её взгляду, она и так всё поняла. И это напрягло еще сильнее.

– У меня дома ремонт у брата в комнате, – вздохнул Миш-

ка. – В библиотеку тогда?

– Да ну, там все наши! Может...

Пока парни искали выход, обсуждая варианты, девчонка молча прошла мимо.

– Эй, блаженная! – крикнул ей в спину Мишка. – Ты куда?

Она даже не замедлила шаг. Борис посмотрел на друга, тот картинно покрутил пальцем у виска.

– Так может ну ее? – почему-то шепотом предложил он, хотя девчонка уже заворачивала за угол дома.

Борис на секунду задумался, смакуя эту заманчивую идею, но вспомнив слова учителя, качнул головой:

– Мне, блин, нужна пятерка во как! – для наглядности палец чиркнул по шее.

Мишель вздохнул, и они оба, одновременно сорвавшись с места, рванули догонять напарницу.

За углом её уже не было. Борис растеряно оглянулся и в последний момент заметил, как черная толстовка растворилась в тени подъезда дальнего дома:

– Туда!

В подъезд они влетели минуты через три. И только тогда Борис понял, что это была плохая идея.

– Ну и куда теперь? – озвучил его опасения Мишель.

– На третий этаж и направо.

Загрибок встал дыбом, Борис повернулся на голос и увидел, как из темноты дальнего угла, словно из неоткуда, материализовалась знакомая фигура.

Уже стоя возле железной двери, Борис все еще не понимал, куда они пришли. И только когда девчонка воткнула ключ в замочную скважину, догадался:

– Ты здесь живешь?

– Да.

– Не знал, что мы соседи, – растерянно признался он, перешагивая порог чужой квартиры.

В самом обычном коридоре их встретила самая обычная женщина. Радужно улыбнувшись, она предложила гостям тапочки и перекусить.

– Спасибо, мы... – начал Борис, пока Мишель растерянно оглядывался в поисках крестов и черных кошек.

– Дома поедят, – буркнула девчонка и потащила парней в дальнюю комнату.

На обычной светлой двери с матовым покрытием красовалась надпись: «оставь надежду, всяк сюда входящий», судя по виду нацарапанная гвоздем. Толщина и размер букв говорила о том, что трудились над ней долго. Борис представил, что было бы у него дама, если бы он царапал что-то на двери и мысленно восхитился терпению родителей одноклассницы.

Мишель вошел первым и застыл. Борис все еще под впечатлением от надписи не сразу это заметил и уткнулся ему в спину:

– Чего... – «завис» собирался сказать он и тут же словно окаменел.

Все стены в комнате были выкрашены в глубокий черный цвет. Но не это давило, а развешенные на них фото-картины. Вроде бы ничего особенного, старинные здания, парки с красивыми оградами, но было в них что-то такое... потустороннее.

Черные шторы с вертикальными нитками гирлянд даже придавали некоторый уют, обычный диван-кровать из крупного магазина мебели (у него был такой же), шкаф и рабочий стол с ноутбуком. Обычная комната подростка, если бы не обилие черного и эти пугающие картины.

– Что на фото? – наконец осмелел Мишка.

– Психлечебницы, – буркнула Альбина, кидая рюкзак на диван. – Выбираю, куда пойти после школы.

– Прикольно, – фыркнул Мишель и приземлился рядом с рюкзаком.

А Борису стало совсем неудобно, взгляд испугано пробежался по картинам, и парень понял – это была не шутка.

***

– Юрченко, – пальцы Мишеля пробежались по клавиатуре. – Та-а-к...

Борис вместе с другом уткнулись в экран, изучая то, что выдал поисковик. Спустя минут десять. Борис сдался:

– Ничего интересного. Давай начнем с тебя.

– Вы неправильно ищите, – отозвалась с дивана хозяйка комнаты.

Мишка встал и, отвесив шуточный поклон, соорил тор-

жественную рожу:

– О, повелительница Гугла, подскажи нам смертным, как нужно-оу... – провыл он, получив ногой от Бориса. Почему-то любая шутка ему в отношении одноклассницы казалась не уместной.

– Борис, какая у тебя фамилия?

– Юрченко, о мисс очевидность, – фыркнул Мишка и схлопотал еще один пинок.

– Нет, – словно ничего не заметив качнула головой девчонка. – Это фамилия твоей матери.

Борис задумался. Действительно, после развода родителей он остался с матерью, отца видел раз в год по скайпу.

– Адамасов, но это фамилия отца. Мы с ним не очень близки, – неохотно признался он.

Борис раньше никогда и никому не рассказывал о взаимоотношениях в семье и чувствовал себя неуютно.

– Больше детей у него нет, – не спрашивая, а словно констатируя факт, заявила девчонка.

Борис кивнул. Отец давно и счастливо жил в другой семье за границей. Братьев и сестер, как помнил Борис, у него все еще не появилось. Так что, да, он действительно единственный сын своего отца.

– Вот и ищи значение этой фамилии.

– Да нафиг он мне нужен! Десять лет не общаемся, зачем мне его фамилия! – вспылал Борис.

Мишель одарил его удивленным взглядом. А однокласс-

ница даже не моргнула, продолжая буравить взглядом Бориса.

– Ну и дурак, – вздохнула она. – Ты наследник, а значит, именно эта фамилия скажет о тебе и твоём роде больше, чем фамилия Юрченко.

Борис уже жалел о своей вспышке, но отвернуться и не смотреть в её глаза не мог.

– Нашел! – объявил Мишка от компьютера.

Борис развернулся к экрану и облегченно выдохнул.

– Да у тебя мистические корни, – уважительно проговорил Мишка.

– Что-то на сегодня с мистикой перебор, – вздохнул Борис и продолжил читать.

Действительно, фамилия отца происходит из древнего рода колдунов борцов с нечистью. Интересно...

– А теперь прибавь к этому свое имя, – словно отвечая его мыслям, выдала девчонка и растягивая слоги промурлыкала. – Бо-рис – тот, кто борется. Это судьба.

«Судь-ба» прокатилось в его голове. Борис почувствовал какое-то внутренне томление, словно кто-то из очень далекого прошлого хочет докричаться до него.

– Нет, – вздохнул он, рассеивая наваждение. – Ничего не выйдет. После исследования фамилии нужно описать семейное древо. А я ничего не знаю о родне по отцовской линии.

– Я могу помочь.

Борис посмотрел на хозяйку. Впервые он увидел улыбку

на ее лице, от чего острые, мелкие черты вдруг стали мягче, а сама она превратилась в симпатичную большеглазую девчонку из аниме.

– Прикольно, – неожиданно для себя выдал Борис.

Альбина, видимо приняла его слова как согласие на некий эксперимент, поднявшись с дивана, она потянула на себя створку шкафа. Борис не разглядел что-то конкретное, но то, что мелькнуло в его поле зрения, заставило пожалеть о своем решении прийти сюда. Какие-то банки, склянки и бутылки из темного стекла, больше напоминало химическую лабораторию, чем сама школьная лаборатория.

– Вот, – она протянула ему мизерный стаканчик с темной жидкостью на дне. Словно во сне он смотрел, как его рука, действуя вопреки мозгу, приняла склянку и поднесла ее ко рту. На миг он встретился с полными непонимания глазами Мишки и замер. – Залпом, – приказала девчонка, и подтолкнула его ладонь.

Горло обожгло спиртом, а в нос щекотно ударил аромат каких-то трав. Запахло пыльным летом, внутри разлилось тепло, в глаза вдруг ударил полуденный свет солнца. Он вскинул руку к лицу и, чуть жмурясь, огляделся вокруг. Травы были настолько высоки, что касались его волос. Борис поднялся. Луг, на котором он оказался одной стороной спускался к реке, второй упирался в стену леса. Там за деревьями его уже ждали...

***

– Полоумная, ты, что с ним сделала? – прошипел Мишка, в обалдении глядя, как друг медленно закатил глаза и откинулся на спинку стула.

Ему хотелось кричать, но почему-то не хватало воздуха.

– То, что он хотел, – пожал плечами девчонка, убирая пузырёк в шкаф.

Мишка понял, что от этой сумасшедшей ничего не добьётся. Он кинулся к другу, хотел дёрнуть его, растормошить, но тот вдруг сам распахнул глаза.

Ничего не выражающий взгляд блуждал по комнате, пока не упёрся Мишке в переносицу. Парень отшатнулся. Ни разу в жизни ему ещё не было так страшно.

– Эй, – шёпотом позвал он Бориса.

Друг не ответил.

– Это что, наркота? – спросил Мишка.

И сам нашёл ответ. Конечно, наркота, что же ещё! Нужно срочно звонить в скорую, вдруг аллергия или передоз!

– Успокойся, – Мишка развернулся, за спиной стояла она. На тонких губах блуждала улыбка. Бледная кожа, обрамлённая чёрными волосами, как будто светилась. Толстовка сливалась со стенами, отчего казалось, что её голова парит отдельно от тела.

Мишка вздрогнул, неведомые насекомые ледяными лапками пробежались вдоль хребта.

– Нужно вызвать скорую!

– Разве что тебе, – фыркнула она, развеивая наваждение,

и плюхнулась на диван. – Ему не нужно.

Девчонка выудила откуда-то пилочку для ногтей из тёмного металла со странным набалдашником. Жуткая рожа отсвечивала красными глазами, каждый раз стоило ей чиркнуть по ногтям. Этот звук продирал до позвоночника, словно она подпиливала ему, Мишке, зубы.

Теперь он понял, что оказался в логове сумасшедшей. Нужно выбираться и вытащить Борьку, единственный выход попросить помощи у родителей этой ненормальной. В очередной раз, когда она отвлеклась на маникюр, Миша бросился к двери. Всего три шага и они с другом спасены... Четыре, пять... десять, дверь комнаты светлым прямоугольником маячила на фоне чёрных стен и не приближалась. Мишка остановился, руки тяжело упёрлись в колени. Воздух рваными толчками обжигал лёгкие.

– Как... как... ты, – «это делаешь?» хотел сказать он, но дыхание не справлялось со словами.

Девчонка, словно прочитав его мысли, улыбнулась и, направив пилочку ему в грудь, поднялась.

– А ты не хочешь и о себе узнать что-нибудь? – прошептала она.

Мишель в ужасе смотрел, как она приближается. Чувство безысходности сковало, хотелось убежать, но он теперь знал, что это невозможно.

– Всего один глоток, – хмыкнула она.

Лица коснулось чужое дыхание. Мишка вздрогнул. Страх

сменился злостью, ледяные мурашки – волной жара. Что здесь происходит, Мишель не знал, но теперь он чувствовал, что может это прекратить.

– Да, пошла ты! – рыкнул он, отталкивая девчонку от себя.

От неожиданности она тихо ойкнула. В глазах мелькнуло удивление, и она упала на диван.

– Извини, я просто... – виновато пролепетал Мишка и только сейчас заметил, что говорит с пустотой.

Девчонка исчезла. Мишка в панике бросил взгляд на Бориса, тот продолжал пялиться в пространство, но на этот раз друг улыбался. Тонко и очень знакомо...

***

Борис шёл рядом с высоким мужчиной в длинном балахоне. Низко надвинутый капюшон скрывал его лицо, но незнакомец не пугал, скорее вызывал странный интерес. Лесное безмолвие легко приняло их. Солнечные лучи растворялись в листве, окутывая пространство колдовской дымкой. Ноги пружинили на мягком мху и легко уносили все дальше от поляны. Тихий хруст сломанных подошвой веток разносился далеко вглубь леса. За деревьями то и дело проносились неясные силуэты, то ли людей, то ли животных. Ему бы испугаться, но казалось, он перестал испытывать какие-либо чувства.

– Кто... вы? – спросил Борис и тут же почувствовал досаду из-за своей нерешительности.

Мужчина остановился. Тени вокруг закружились с удво-

енной скоростью, но приближаться, чтобы их можно было яснее рассмотреть, не спешили. Борис уже почти не обращал на них внимания.

– У тебя три вопроса, – ответил незнакомец, его голос прозвучал так, как будто несколько человек разного возраста сказали это одновременно.

Борис встряхнулся, три вопроса, что же спросить?

– Кто вы? – повторил он, но уже более уверенно.

Вместо ответа мужчина шагнул ему навстречу и скинул капюшон. Его лицо плыло и менялось, ежесекундно сменяя не только выражения, но и черты.

– Я это ты и все, кто были до тебя, – на мгновение Борис узнал отца, потом себя и вот на него смотрит старик с поразительно черными глазами. В голове пронеслись образы, люди и обрывки чужих жизней. Словно давно забытые воспоминания картинками укладывались в его память. Виски больно сдавило, но тут же отпустило под властью потустороннего голоса незнакомца. – Второй вопрос?

Уже второй! Борис вспомнил, как сюда попал и понял, что нужно спросить:

– Кто я?

– Это зависит от тебя, – без паузы, словно читая его мысли, ответил (или ответили?) собеседник. – Станешь Ловцом и жизнь твоя изменится или так и останешься мальчишкой. Выбирай!

– Сейчас? – удивлённо вскинулся Борис.

– Третий вопрос! – объявил незнакомец, словно вынес приговор и исчез.

Борис обескураженно топтался в незнакомом лесу. Парень оглянулся и впервые за время пребывания здесь смог рассмотреть то, что его окружало. Солнце спряталось, оставив после себя только туман, который, оседая, клубился вокруг его лодыжек. Звуки исчезли, всё кроме его дыхания. Борис в нерешительности переступил ногами, под ботинком сломалась ещё одна ветка. Парень присмотрелся и так и замер с поднятой ногой. Из мха торчали кости. Кому они принадлежали Борис не мог с уверенностью определить, но смутное узнавание породило чёрную дыру в животе. К горлу подкатило. С трудом сглотнув комок, Борис аккуратно поставил ногу и тут заметил, что туман поднялся выше.

На пределе обзора пронеслась тень. Борис развернулся. Страх по-прежнему не было только чувство нереальности происходящего. Теперь что-то мелькнуло слева, на это раз более мелкое, но такое же неприятное. Из-за тумана тени казались плотнее и ближе.

«Нужно выбираться на поляну, там их не было», – подумал Борис и медленно, посекундно озираясь, двинулся в обратную сторону. Тени поняли его маневр, и им это не понравилось. Некоторые из них уже мелькали в паре метров от него.

Под ногой опять оглушительно хрустнуло, Борис замер в попытке понять ветка это была или... В то же мгновение его

толкнули, от неожиданности он потерял равновесие и плюхнулся на зад. Перед лицом вспухло серое марево, из которого на него смотрела тварь с мерзкими жёлтыми глазками. Тварь открыла пасть и заверещала. Борис наорал на неё в ответ и, пользуясь произведённым эффектом, бросился прочь.

Обувь скользила по мху, он падал, помогал себе руками и бежал дальше. Борис уже не знал, несётся он к поляне или от неё, но чувствовал, стоит остановиться и что-то произойдёт.

На каркал! Спину полоснуло болью, Борис вскрикнул, и тут, словно из ушей вытащили вату, он услышал другие звуки. Твари визжали, рычали и подвывали, лес шуршал и трещал. Тени перестали быть тенями, они хотели его Бориса крови. И они уже получили что хотели, по спине потекло тёплое и липкое. Рука нащупала что-то торчащее из земли. Борис дёрнул, в кулаке оказалась палка, очень светлая и выбеленная временем. Подумать о том, что это за палка ему не дали.

Тварь прыгнула, он встретил её на излёте. Взвыв, она рухнула, перевернулась, неуклюже перебирая всеми шестью конечностями, и прыгнула вновь. Палка и в этот раз не подвела. Обиженно взвизгнув, тварь растворилась в тумане. Борис рванул дальше, но в рукав вцепился кто-то поменьше. Свитер не прокусил, но бежать стало неудобно. Проскакивая между стволами двух деревьев, Борис чуть отвёл локоть. Глухой стук и обиженное поскуливание осталось позади.

Впереди мелькнула более светлая полоска, значит, поляна рядом. Облегчение смыло тупую безысходность. Борис оскалился и, продемонстрировав ближайшей твари средний палец, поднажал. Но тут же поплатился за свою самонадеянность. Что-то больно хлестануло его по ногам. Борис рухнул и скатился в какой-то овраг. Спина горела, палка потерялась в, потемневшем от тварей тумане. Борис уже чувствовал вонь их дыхания, но позволить себя жрать лежа на спине не мог. Он поднялся, чуть покачиваясь и выставив перед собой кулаки, приготовился умереть:

– Ну, кто первый!

Из тумана выступило что-то огромное, похожее на помесь медведя с дикобразом и, открыв пасть, бросилось на Бориса.

Парень отшатнулся, но вот перед ним выросла фигура в чёрной толстовке, мелькнуло что-то красное. Вой, наполненный болью, резанул по ушам. В рукав вцепились человеческие пальцы и куда-то потащили. Борис встряхнулся, пытаюсь понять, как в его бреду оказалась Альбина:

– Что, стоишь, двигай! – она остервенело тащила его за собой, время от времени отмахиваясь от тумана длинным мечом с тёмным лезвием и отвратительной рожей в навершии.

***

Мишель застыл в чужой комнате. Друг продолжал улыбаться чему-то неведомому, девчонка пропала. И что теперь делать? Странно, но после этого вопроса тупой страх испарился. Мишка быстро пробежался по комнате, вдруг эта по-

лоумная сидит где-нибудь в нише и ржет? За диваном не пролезть, по – тем более, за столом – нет, за шторами – тоже. Мишка открыл шкаф и тут же закрыл, там было много всего странного, вот только девчонки не было. После тщательного, но бесполезного ощупывания стен парень сдался.

Он сидел на диване, крепко обхватив взмокшую голову, и думал. Вдруг Борька на стуле дернулся и завалился в бок. Мишка успел в последний момент подхватить друга, не дав ему свалиться на пол.

– Разожрался! – натужно жаловался мирозданию Мишка, пересаживая Бориса на диван.

Под свитером на спине как-то неприятно хлопнуло. Мишка поднес ладонь к глазам, на коже красным отпечатался рисунок вязки.

– Кровь, – почему-то вслух сказал он.

Время паниковать и пугаться прошло, пора принимать решение. Мишка бросился к двери. В этот раз до нее действительно оказалось всего три шага. Он распахнул дверь, не обращая внимания на багровые следы, оставляемые им на светлом покрытии. В коридоре появилась мать Альбины.

– Что-то хотел? – заботливо спросила она.

– Да! Там эта полоу... – начал он и тут же осекся. Как сказать матери, что её дочка – психопатка, заманила к себе двух парней, одного опоила наркотой, а потом исчезла? – Вот смотрите сами! – нашел выход Мишка, распахнув дверь перед ней.

Женщина озабочено нахмурилась и заглянула в комнату.

– Да, что же это такое?! – всплеснула руками она. Михаил почувствовал мрачное удовлетворение. Но последняя фраза испарила зарождающуюся надежду. – Опять ушла! Ты не волнуйся, наверное, в магазин выскочила. – Женщина, так и не переступив порога, оглядела комнату и, виновато улыбувшись, заключила, – Рюкзак здесь, она всегда его с собой таскает. Словно драгоценность какую-то. Значит, скоро вернется. Будете ждать или пойдете?

– Подождем, – выдавил Мишка и закрыл перед её носом дверь.

Прохладное полотно двери остужало разгоряченный лоб. Для решений время уже тоже прошло, пора действовать. Парень бросился к ноутбуку.

***

Солнце катилось к реке. Небо над поляной уже не слепило. Еще пара часов и наступят сумерки в этом странном мире. Борис лежал в траве, наблюдая за бегом облаков, каждый вздох разрывал грудную клетку, бок колот. Девчонка пыталась продышаться сидя рядом на коленях. Перед ней лежал длинный меч, красные камни на жуткой роже пульсируя застухали. Мысли путались, но один вопрос все никак не давал покоя:

– Что это было?

– Было, что? – в своей манере переспросила Альбина, глядя на него сквозь черные пряди.

– Блин! Это! – разозлился парень, для полного понимания он обвел рукой окружающее пространство.

– Как он тебя назвал? – как всегда ушла от ответа девчонка.

– Ты вообще можешь хоть что-то мне объяснить?

– Могу, – не обращая внимания на его раздражение, заявила она. – Как. Он. Тебя. Назвал?

Борис на мгновение задумался, лежа это делалось плохо, жар в спине не давал сосредоточиться. Парень поднялся, стало легче. Сидя, свитер обвис и перестал царапать рану.

– Ловцом, кажется. Но я еще не сделал выбор.

– Хм, а я ставила на твоего дружка. Он казался более перспективным Ловцом, — задумчиво протянула она. – Ну что ж, тогда все понятно!

– О! Я рад! – не сдерживая сарказма, он изобразил аплодисменты. – Ну, тогда поделись озарением, что здесь происходит? И где мы находимся?

– Это место не имеет названия...

– Параллельный мир? – блеснул догадкой Борис.

– Скорее перпендикулярный, – хмыкнула девчонка и пояснила, – Отсюда можно попасть куда угодно в любую точку времени и пространства. А вот сюда можно прийти либо по приглашению, либо с помощью Вратаря, – она мрачно усмехнулась.

Этот бред, как ни странно, имел некоторую логику: вратарь – тот, кто открывает врата или забивает в них? Девчонка

ка опоила его дрянью, и он оказался тут. Ладно...

– Значит, ты – вратарь и можешь вытащить нас отсюда?

– Нет, я обманула систему зельем. Твое тело так и осталось там, – она тряхнула волосами указывая куда-то за реку. – Я – Загонщик. А вот твой друг по ходу Вратарь.

– И что мы теперь навсегда застряли здесь?

– Я да, а вот ты – технически все еще у меня в комнате. Но не переживай, не навсегда, – она оценивающе глянула на солнце. Борис проследил за ее взглядом. Небо уже окрасилось алым, расплескав оранжево-зеленые сполохи по редким облакам. – Всего два-три часа.

– Ну, нормально, подождем, – кивнул Борис, чувствуя, как спадает внутренне напряжение.

– Подождем, – согласно кивнула она, поднимаясь. Блин, ну почему он оказался здесь именно с ней, а не с Мишкой или любой другой девчонкой? Каждое ее слово или действие имело скрытый подвох и это не давало расслабиться. Вот и сейчас что-то в её тоне заставило насторожиться. – А потом нас съедят, – подтверждая его догадку, призналась Альбина. – Меня целиком, а тебя чуть-чуть, – и словно утешая, улыбнулась. – Тело твое найдут у меня дома, констатируют кому или летаргию, ну и дальше ты понял... Но может тебе еще повезет.

Последняя фраза прозвучала так, словно ни о каком везении речь и не идет, но Борис, как опытный мазохист все-таки уточнил:

– Повезет?

– Можешь стать одним из них, – она кивнула в сторону леса. Парень впервые за то время как выбежал на поляну, обернулся. Там в тени заходящего солнца беззвучно скалились разномастные твари.

– Ты хочешь сказать это люди? – пораженно прошептал Борис.

– Угу, – девчонка подняла меч, камни на рукояти опять полыхнули, словно признавая руку хозяина. – Потерянные души или лярвы, слышал о таких? – Борис качнул головой, но Альбина сочла вопрос риторическим, положила руку на плечо и улыбнулась, – Не ссы, будем надеяться, что Мишка успеет...

***

Мишка набрал свою фамилию в поисковике и нажал энтер. «Якунин – фамилия берет начало от северных охотников и следопытов...»

Следопыт – тот, кто идет по следу. Мишка откинулся на спинку стула и задумался. Сейчас он чувствовал себя немного сумасшедшим, может это повлияла атмосфера, а может то, что с ним произошло. Но теперь он, кажется, понял, что имела в виду девчонка.

«... фамилия скажет о тебе больше», язвительно отозвалась одноклассница. Окей! Сказала и что теперь?

«... после исследования фамилии, приступайте к родовому дереву», строго напомнил учитель.

Мишка раньше не интересовался корнями. Семья его не большая: папа, мама, младший брат и вредная бабка. Узнать что-то об истории семьи можно было только у нее. Бабушка, а вернее двоюродная прабабушка по отцу, все время отказывалась переезжать к ним в квартиру, продолжая жить в домишке без благ цивилизации за городом. Из-за этого Мишке с братом каждое лето приходилось, словно рабам, пахать на огороде, собирать какие-то травки и корешки, ухаживать за десятком худых кур, которые дохли исключительно от старости и готовиться к отопительному сезону. Это сводилось к сбору на ближайшем поле сухих стеблей подсолнечника и рубке привезенных социальной службой дров. За время летнего «отдыха» Мишка упыхивался так, что мечтал о школе, не вспоминая о бабке весь учебный год. А вот сейчас, поди ж ты, вспомнил!

Озаренный внезапной мыслью, Мишка выпотрошил свой рюкзак на диван рядом с Борькой, запихал туда Альбину сумку и рванул к выходу.

– Я сейчас домой сбегаю и вернусь, – объявил он проводившей его побег удивленным взглядом хозяйке квартиры.

Мысленно сверяясь с расписанием электричек, он несся по лестнице, за раз перелетая по несколько ступенек.

***

– Не ссы, будем надеяться, что Мишка успеет, – она ободряюще хлопнула Бориса по плечу, и тот ойкнул от вспышки боли. Девчонка заметила это и, озабоченно нахмурившись,

спросила, – Что там у тебя?

– Так, – попытался отмахнуться парень. – Кто-то из этих зацепил.

– Сними свитер! – потребовала одноклассница.

– Да, фигня! До свадьбы заживет.

Девчонка, не слушая его, потянула свитер вверх. Борис замер.

– Ну, что там, жопа? – наигранно беззаботно спросил он, пытаясь скрыть волнение.

– Жопа, – подтвердила Альбина, осторожно опуская ткань. – Поздравляю, Ты таки определился с выбором!

– В смысле?

– Они, – она ткнула мечом в сторону тварей. – Тебе помогли. Кровь Ловца, пролитая здесь, для них словно красная тряпка для быка. Если раньше ты мог отказаться от предназначения, то теперь у тебя выбора нет, только стать Ловцом.

– Ладно, и что это значит?

– Это долго объяснять, нам бы подальше отойти от леса, – она кивнула в сторону реки, – воды они бояться, так что может и отмахаемя на какое-то... хм... время.

«Небольшое» сказано не было, но угрожающе повисло в воздухе. Борис кивнул и привычно двинулся за черной толстовкой.

Высокая трава путалась в ногах, цепляясь за кроссовки и джинсы. Девчонка время от времени рубила её мечом. Некоторые травки она откидывала пинком тяжелого ботин-

ка, другие подбирала и рассовывала по карманам. Каждый взмах заставлял Бориса нервно вздрагивать, уж слишком близко мелькало лезвие. Альбина заметила его интерес и знаком предложила свою помощь, Борис тоже знаком отказался. Кукиш не является общепринятым символом расположения, но девчонка улыбнулась и больше свои услуги не предлагала.

Синяя лента реки приближалась медленно и неохотно. Борис первое время оборачивался, пытаясь на глаз определить, много ли они прошли. Но лесная стена нависала и тарасилась множеством противных глаз, словно подростки так и продолжали топтаться где-то рядом.

– А если коротко? – наконец, нарушил молчание Борис.

– Коротко? – девчонка вздохнула и, очередной раз махнув мечом, обрубила настырную зелень, прилипшую к своим ботинкам. – Нас трое: Ловец, Загонщик и Вратарь, – перечислила она, оттопыривая поочередно пальцы на свободной руке. – Ловец видит потерянных, но не может их ни убить, ни отправить назад. Загонщик – может убить, – для придания веса своим словам он махнула мечом, красные глаза-камни вспыхнули в первых сумерках, – но не видит и не может отправить их назад. Вратарь, соответственно не умеет ни первого, ни второго, зато умеет открывать врата. Ясно?

– Нет, – признался Борис. – Ты так точно тыкала их там, в лесу своей железкой, и говоришь не видишь?

– О-о-ох, как же с тобой тяжело, – вздохнула Альбина. Бо-

рис почувствовал себя идиотом, хотя с чего бы, он же нормально воспринимает весь этот бред? – Это их мир! Здесь их видишь не только ты. А вот в нашем мире...

– Подожди, эти твари есть еще и у нас? – это знание никак не хотело укладываться в сознании и вызывало какое-то внутренне сопротивление.

– Бинго! – издевательски хмыкнула спутница. – Весь смысл, таких как мы – это уничтожение потерянных в мире людей. Понимаешь, они же, как паразиты: подселяются в дома, вещи и даже в людей, особенно когда собственная душа человека ослаблена. Думаешь, сумасшедшие, убийцы и ма-ньяки откуда берутся?

– Не думал об этом.

– Подумай, ведь ты сможешь видеть этих тварей. Я могу их уничтожать. А Мишель...

Способности друга остались тайной, от леса послышался все нарастающий вой. Борис обернулся:

– Ходу! – крикнула девчонка, срываясь на бег, и привычно схватила его за руку.

Уставшее солнце закатилось, как только желтый диск утонул за горизонтом, твари заткнулись, но вместо воя, подростков гнал вперед все нарастающий шелест сминаемых трав под лапами.

Борис влетел в воду первым, остановился только когда забежал по колено. Альбина поскользнулась и ушла по шею. Парень рывком поставил её на ноги.

– Спа-си-бо, – проклацала зубами девчонка и только тут он понял, река была горной, холодом обожгло разгоряченные икры, принося мимолетное облегчение.

– Холодно? – почему-то шепотом спросил он. Оба понимали, долго в ледяной воде им не продержаться.

– Сейчас согреемся, – ухмыльнулась Альбина, указывая на приближающуюся орду.

По лугу неслись твари разных размеров и видов, двух одинаковых найти в этой толпе было сложно.

Борис с трудом оторвал взгляд от потерянных и посмотрел на напарницу. Девчонка озабочено хмурилась, покусывая губы, её глаза, казалось, стали еще больше и выразительнее, в них явственно читался страх.

– Да, пошли они! – зло рыкнула Альбина и, подмигнув Борису, повернулась лицом к потерянным.

В её руках мелькнул меч, разбрасывая на поверхность воды алые блики.

***

Мишка сидел в выбеленной им же самим этим летом кухне, грел руки об кружку только что сваренного компота и не знал с чего начать. Прабабка суежилась у буфета. На столе появилось блюдо с пряниками, даже по виду больше напоминавшие камень, чем что-то съедобное. От созерцания разваренного нечто, филигранно зависшего ровно посередине кружки, отвлек скрип деревянных ножек стула по доскам пола.

– Ты, кушай прянички-то и компотик пей, – проговорила бабка, устраиваясь напротив.

Блюдо заботливо сдвинулось в его, Мишкину, сторону. Перспектива обломать зубы или подавиться разваренным фруктом, перевесили опасение сойти за сумасшедшего. Решено, скажет, как есть: или бабка поможет, или подумает, что внук под кайфом (так же обычно думают о странных подростках?). В худшем случае позвонит родителям, но вряд ли ей кто поверит, что он сам, добровольно приперся к ней в гости...

– Припекло, внучок? – хмыкнула бабка, прерывая его мысленный монолог.

Мишка изумленно поднял на нее глаза и чуть не свалился со стула. Перед ним сидела все та же не любимая прабабушка и ухмылялась.

– Ба?

– Ты компотик-то пей, – и она кивнула на рюкзак, валяющийся у его ног. – В сумке у тебя что-то, ко мне просится. Давай!

Мишка на автомате глотнул из кружки. Губ коснулось нечто мягкое. Мишка сцепил зубы и, едва сдержав рвотный порыв, пробормотал:

– Спасибо, вкусно.

Бабка все еще улыбалась, но теперь сквозь знакомое лицо просвечивали незнакомые черты. Словно два портрета очень похожих, но разных людей наложенные друг на друга.

Мишка моргнул, картинка не изменилась. Теперь он действительно ощутил себя словно одурманенным. Может, надышался, чего-то там, в комнате одноклассницы?

– Ну же! – напомнила о себе бабка.

Мишка, не отрывая от нее глаз, наощупь открыл замок, достал Альбинин рюкзак и плюхнул его рядом с пряниками.

Вместо того чтобы его открыть, бабка уперлась в него взглядом, словно пыталась разглядеть что-то сквозь ткань, потом потянула носом и, задумчиво склонив голову на бок, замерла.

– Что? – не выдержал Мишка.

– Интересно, но полукровка подождет. Ты расскажи, за чем пришел?

Он и раньше подозревал, что крыша у бабки прохудилась, но не думал, что настолько. Раньше она вела себя почти как нормальная. Ну и ладно, сама напросилась! Сейчас он все ей расскажет:

– В школе задали домашку – написать историю рода. И начать нужно с исследования фамилии...

Мишка рассказывал подробно, ничего не пропуская. Бабка слушала, не перебивая, словно каждый день ей приходилось сталкиваться со всякой чертовщиной, странными напитками и исчезновением людей из закрытой комнаты.

– ... Борька там один, кровью истекает, – закончил Мишка, в горле пересохло, рука сама потянулась к кружке. В этот раз он не успел среагировать, и что-то мерзкое скользнуло

в горло. Мишка закашлялся, то ли пытаясь пропихнуть это дальше, то ли вернуть обратно. Слезы брызнули из глаз, по спине заботливо хлопнули, раз, другой.

– Все, – прохрипел он, отмахиваясь от заботливой, но тяжелой руки. – Достаточно! – хлопки прекратились, теплая ладонь так и осталась лежать на плече. Мишка проморгался и увидел перед собой бабу, все также сидящую по ту сторону стола. Парень медленно, не веря себе, обернулся. За спиной стояла другая, похожая, но не знакомая.

– А-а-а? – только и смог выдать он.

– Что-то увидел? – издевательски раздалось с другой стороны стола.

– Прекрати! – грозно шикнула другая и ободряюще сжала его плечо. – То, что сумку полукровки принес – хорошо! Так быстрее найдем их. Плохо, что тело друга твоего осталось в квартире, – бабки переглянулись и та, которая стояла за спиной, продолжила. – Туда мы тебе дверь откроем, а вот обратно – придется уже самому.

– А как же...

– Ты главное, пряничек в дорогу возьми, – кивнула на блюдо та, что сидела напротив. Мишка схватил твердый пряник и сунул его в карман толстовки.

Бабки одинаково довольно кивнули.

– А теперь возьми за сумку и закрой глаза...

Мишка уже не знал, кто из них это сказал, просто сделал, как велели. Под стулом хлопнуло, голые лодыжки обожгло

ледяной водой.

Мишка открыл глаза и тут же получил в плечо.

– В сторону, придурок! – перед глазами угрожающе про-
свистела алая полоса.

Парень пошатнулся, вода поднялась до колена, ноги разъ-
ехались на поросших тиной камнях, черная поверхность ре-
ки качнулась ему на встречу, но упасть ему не дали.

– Ты нашел нас! – радостно встряхнул его Борис. – Давай,
вытаскивай!

– Блин, я не знаю как! Нужно подумать... – растерялся
Мишка.

Борис нахмурился и, развернув его к себе спиной, ткнул
пальцем куда-то во тьму:

– Ну, ты подумай, не торопись!

На ночном берегу угрожающе рычала, скалилась и топта-
лась толпа каких-то монстров. Перед ними стояла Альбина
– худенькая девочка из аниме с длинным мечом в руках. То
один, то другой монстр пытались зайти в воду, вереща то ли
от боли, то ли от предвкушения, но тут же отпрыгивали от
меча. Иногда кто-то из смельчаков взвизгивал особенно тон-
ко, и тогда в воду шлепалось нечто извивающееся.

– А она хороша, – шепотом признал Мишка, глядя как
ловко девчонка ушла от выпада длинного щупальца, переру-
бив его владельца надвое.

– Она скоро не выдержит, – так же шепотом ответил Бо-
рис. – Ты же как-то попал сюда? Думай!

Взгляд в панике заметался по толпе монстров: лапы, оскаленные пасти, страшные глаза, вдруг он наткнулся на что-то знакомое. Мишка изумленно моргнул. Бабка так и осталась на берегу, но это была та, другая. Она улыбнулась и потянулась к карману. Мишка медленно повторил её движение. Пальцы нащупали что-то мягкое. Пряник? Бабка кивнула.

– Есть один вариант, – уверенно заявил Мишка. – Хватай свою Альбину!

Друг метнулся к девчонке и схватил её за толстовку, вторая рука осталась на плече у Мишки. Пряник в его ладони одуряюще пах травами и пыльным, солнечным летом. Мишка сжал кулак, сквозь пальцы брызнули золотые крошки. Холод отступил под натиском все нарастающего жара. Мишка разжал кулак, сгусток света без всплеска ушел в черную воду. На миг показалось, что тьма победила, но уже через удар сердца под ногами разлилось пульсирующее яркое пятно. Мишка поднял глаза на спутников, кожа обоих окрасилась золотом и немного просвечивала. За их спинами монстры обиженно взвыли, чувствуя, что добыча ускользает, и рванули в воду. Но было уже поздно, легкий ветерок с другого берега коснулся людей, прошел сквозь них и рассеял солнечную пыль вдоль реки.

***

– Юрченко, Якунин и ...э... Стрига – пять баллов.

Пока учитель перечислял оценки за работы, Мишель обернулся к задней парте:

– Пс! Ты, что о себе там написала?

Борис прислушался, но не обернулся – больно. Раны на спине затягивались удивительно быстро, но болели сильно, словно изнутри, что-то жгло.

– Так, – он живо представил, как Альбина легко качнула головой, от чего черные волосы закрыли половину лица и, не отрываясь от своего блокнота, продолжает рисовать там что-то гелиевыми ручками. – Ничего особенного.

– Мы после уроков идем к Борису. Ты с нами?

Борис на секунду задержал дыхание, в ожидании ответа.

– Хм, у меня другое предложение, – протянула одноклассница. Борис не видел, но чувствовал она улыбается и улыбнулся в ответ...